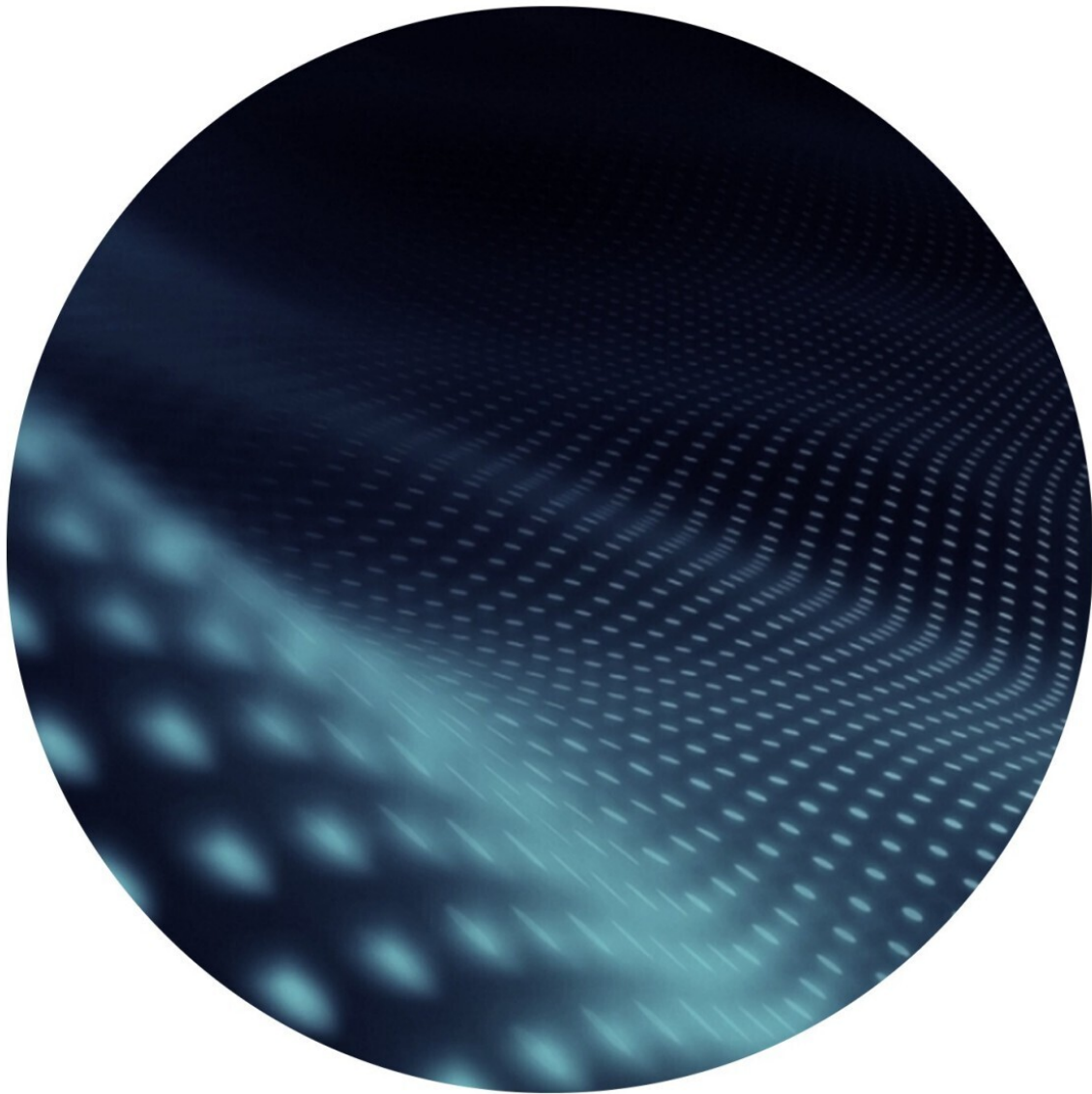

Валерий Бронников

ЖИЛИ СТАРИК СО СТАРУХОЙ

Рассказы

Валерий Бронников

Жили старик со старухой. Сборник

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бронников В. В.

Жили старик со старухой. Сборник / В. В. Бронников — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Герои рассказов из настоящего сборника обыкновенные сельские жители и не только сельские, но и коренные горожане, перебравшиеся жить в деревню, покинувшие по разным причинам город и ставшие обыкновенными сельскими жителями. Прототипы многих героев живут и ныне, не подозревая, что стали настоящими героями, о которых пишут книги. С уважением к читателям, Валерий Бронников Содержит нецензурную брань.

Содержание

БАНКЕТ	5
ВЗЛЁТ	17
ДЕНЬ РОССИИ	32
ДЯТЕЛ	43
ДОМОЙ	50
ЖАРА	54
ЖИТЕЛЯ	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

БАНКЕТ

– Колька, ты опять вчера на свидание ходил? – Моргунов вопросительно посмотрел на своего молодого напарника.

– Откуда ты знаешь? – огрызнулся Колька.

– Да уж знаю! У тебя весь живот чёрный. Ты днём трёшься о двигатель, а вечером прижимаешься этим животом к своей девушке. Одного только я не пойму: как с таким чёрным животом они тебя к себе подпускают? Ты бы его хоть раз в неделю отмывал в бане.

Живот у Кольки и в самом деле выглядел чёрным, как будто его кто-то специально измазал сажей. Сажей, конечно, живот никто не мазал. Просто Колька во время технического обслуживания двигателя прижимался к нему не рубашкой, а голым животом, втирая техническую грязь в свой живот. Вечером он просто переодевался и шёл так на свидание.

– А они меня все и так любят! – подумав, ответил Колька.

– Что и замечания никогда не делают?

– Не-а!

– Ну и девки пошли! – продолжал ворчать Моргунов.

А ворчал он не из-за грязного живота, а из-за того, что Колька после свиданий засыпал на ходу. Вот и сейчас он, делая вид, что работает, стоя на стремянке, дремал с открытыми глазами, да ещё умудрялся разговаривать с напарником. А то, что он дремал – это проверенный факт, так как производительность труда у него не отсутствовала.

Самолёт Ли-2 имел два двигателя. Вот левый двигатель и был Колькин, но получалось так, что всю работу за него выполнял напарник. Тем не менее, это не мешало жить дружно в маленьком коллективе. А всего в бригаде насчитывалось с бригадиром семь человек. Все семеро работали редко: кто-то всегда был в отпуске или на больничном, или в командировке.

Подошёл бригадир и начал о чём-то перешёптываться с Моргуновым, интенсивно жестикулируя руками.

– Меньше, чем на чайник, не соглашайся, – крикнул вслед уходящему бригадиру Моргунов.

Несведущему человеку трудно понять, о чём идёт речь. А бригада, услышав последнюю фразу, заметно оживилась, как-то и работа пошла оживлённее. Даже Колька начал шевелить руками, вспомнив о своих непосредственных обязанностях.

Алюминиевый чайник вмещал десять литров и всегда стоял в кабине экипажа. В этот чайник перед полётом наливали кипячёную воду для экипажа, чтобы в полёте кого-нибудь не замучила жажда. А центром внимания этот чайник становился, когда прилетал точно такой же Ли-2, но военный, выкрашенный в ядовито-зелёный цвет. Вот и сейчас такой самолёт стоял на стоянке, но к нему никто не подходил. Самолёту требовалось выполнить техническое обслуживание. Козлом отпущения становился экипаж, который искал пути, чтобы с кем-нибудь договориться о выполнении работы. Обычно в таких случаях они находили начальника участка, выше его обращаться бесполезно. Ответ всегда один: «У нас много своей работы и помочь вам мы ничем не сможем!».

Начальник участка посылал их договариваться к бригадиру, но не к первому попавшемуся, а соблюдая негласную очерёдность.

Бригадир, помявшись, шёл советоваться с бригадой, так как рабочий день в таком случае продолжался до завершения «халтуры». Расчёт всегда один – технический спирт, который на военных самолётах всегда имелся в противообледенительной системе.

В этот раз начальник участка указал военным на их бригаду. Дальше всё шло по обычному сценарию. Хоть небольшой торг и существовал, но единицей расчёта оставался полный чайник спирта.

Основную работу быстренько свёрнули и все силы бросили на зелёный Ли-2. Даже Колька вечно сонный и нерасторопный окончательно проснулся и работал, как все. Колька технический спирт никогда не пробовал, как, впрочем, и ещё два члена бригады. Они были ещё молоды и не успели познать все науки обыденной технической жизни. Воодушевлял на работу общий настрой. Все работали, поэтому также усердно работали и молодые ребята. Им просто интересно, чем всё это дело закончится.

Переработала бригада всего на два часа больше. Дело близилось к завершению. Бригадир велел подготовить чайник так, чтобы он оказался пустой и чистый. С этим чайником он вскоре отправился к военным в кабину самолёта. Вышел он оттуда с налитым до краёв чайником. Потом туда ходил начальник участка. Подробности беседы никто не знал, да и не принято как-то интересоваться чужими делами. Начальник участка вышел с лёгким румянцем на лице, как будто побывал в бане и ушёл по своим делам.

Через полчаса вся бригада отправилась по любезному приглашению Кольки в комнату общежития.

Все уселись в кружок за стол. Началась торжественная церемония. Откуда-то взялись пустые бутылки, в которые бригадир разлил из рожка чайника спирт и каждому он выделил одну бутылку. В алюминиевом чайнике жидкости осталось больше половины.

– Колька, стаканы у тебя есть? – спросил Моргунов.

– Найдём, – Колька извлёк три стакана, сходил к соседям и принёс ещё несколько штук.

Моргунов взял чайник и налил в каждый стакан грамм по пятьдесят спирту.

– Ну, что? За нас, за нашу работу, – сказал он тост.

Оказалось, что никого не надо спрашивать. Все подняли стаканы и, не раздумывая, выпили. Колька не хотел казаться несмышлёным новичком. Он залпом выпил содержимое, стараясь не морщиться. Жидкость обожгла горло и скатилась во внутрь, почему-то сразу подействовав на мозг. В голове всё закружилось. Во рту остался привкус явного суррогата с запахом резины.

Колька улыбался. Ему стало как-то весело и непринуждённо. Он сидел на кровати и, улыбаясь, слушал, о чём беседовали старшие товарищи. С этого момента он больше ничего не помнил.

О закуске конечно никто не позаботился. Спирт занюхивали чёрствым куском хлеба и запивали хорошо приготовленным чаем, чего-чего, а чай Колька варить умел. Чайник он успел вскипятить и приготовить заварку в то время, пока все рассаживались за стол.

Моргунов разливал всем поровну, не обижая и не пропуская. Поэтому Колька, сидя на кровати, выпивал всё, что ему наливали, а в чайнике почти не убывало. Застольный разговор предстоял долгий. Со стороны казалось, что Колька, улыбаясь, внимательно слушал говоривших. На самом же деле он давно отключился. Просто он не приучен ложиться спать, когда у него находились гости. Он героически сидел на одном месте.

Очнулся Колька утром на своей кровати. В комнате больше никого не было. Он долго пучил глаза и никак не мог сообразить, почему стены медленно вращаются. Колька попытался встать, но его сильно пошатнуло. Он опять шлёпнулся на кровать.

Часы показывали половину восьмого утра. В восемь он должен присутствовать на техническом разборе на своей работе, а до работы ходу не более десяти минут.

Колька заставил себя всё же встать и одеться. Процесс одевания в ватную спецодежду и меховые унты занял львиную долю времени. Он долго попадал ногой в штанину, затем другой ногой проделывал те же манипуляции. Если бы комната не вращалась, одеться он мог просто на ходу, а так нога всё время проскакивала мимо штанины, хоть он точно прицеливался. Когда

одел штаны, долго не застёгивалась куртка. Колька не стал её застёгивать. На это не осталось никаких сил. А когда он надевал унты, пришлось снова приземлиться на койку и помогать ноге попасть в раструб унта.

Кое-как облачившись, Колька, шатаясь, пошёл на работу.

Молодой человек пришёл в ангар ровно в восемь часов, но не стал заходить в комнату для разборов, а направился в раздевалку и растянулся на цементном полу.

– Колька, опаздываем, – на ходу окликали его мужики.

– Я не пойду, – сказал Колька, – Я не могу даже шевелиться. Идите без меня.

Так и лежал он на цементном полу. Пришла уборщица, подмела вокруг него мусор и больше никто не приходил.

Навелили его примерно через час.

– Ты как? – спросил Моргунов.

– Нормально, но встать не могу.

– Тогда лежи. Мы на разборе сказали, что у тебя заболел живот, так что не волнуйся. На работе тоже прикроем. Только не застынь здесь совсем. На улице всё же минус двадцать!

Колька пролежал весь день. К концу смены он услышал, как открываются ворота, чтобы выкатить из ангара самолёт. Колька медленно поднялся и пошёл к своему самолёту, зная, что в него начальство теперь уже не заглянет. Он снова растянулся на полу, только уже в самолёте. Лайнер вместе с ним выкатили на улицу, опробовали двигатели, а когда пришла пора закрывать самолёт, его под руки вывели из самолёта и отвели обратно в общежитие. Члены бригады перепугались Колькиным состоянием больше, чем он сам.

Ещё сутки Колька лежал дома. У него оказался законный выходной. Стены комнаты уже не вращались, но тошнота подступала к горлу и на вторые сутки.

Ещё через день он снова пришёл на работу. В этот раз он на удивление оказался выпавшимся и выглядел довольно неплохо.

Начальник участка его ни о чём не спрашивал. Он просто видел его на работе, и этого было достаточно. Зато коллеги, издеваясь над ним и радуясь, что их товарищ очухался, засыпали его вопросами:

– Колька, как выходные? На свидании был? А как твои невесты, не приняли тебя случайно за алкоголика? Живот отмыл или ложишься в кровать с таким животом?

Колька только улыбался и помалкивал.

Ему исполнилось всего двадцать лет. Вся жизнь у Николая Звягинцева была впереди.

11.2012.

БАНЯ

– А что, Иваныч, баня-то у тебя совсем покосилась? Смотри, скоро дверь набок повалится, – сосед появился у бани первый раз и не знал, что она стоит так уже несколько лет, – Садись, покурим, успеешь ты свою баню истопить.

– Баня, как баня. Да, покосилась малость, но мыться можно. Правда топить надо долго, продувает её насквозь. Зато, когда истопишь, внутри тепло и помыться пока ещё можно.

– А, что новую-то баню не построишь?

– Построить проблем нет! Топор в руках держать умею, но ведь ты знаешь наши порядки. Не успеешь построить, приходят с претензией, что не на том месте, а то и штраф могут прилепить. А с моей пенсии денег на хлеб не всегда хватает, а штрафы платить простому человеку не по карману. В верхах говорят, что бани портят облик села. Впрочем, точно так же, как гаражи, огороды, дровяники, хлевы и прочие подсобные помещения, без которых сельчанину не обойтись. Понастроили в тесноте деревянные коробки, которые называют жильём. Вот, сиди в четырёх стенах и смотри телевизор, а мыться необязательно.

– Это правильно ты говоришь. Не для человека всё делается. С одной стороны, вроде, хорошо, предоставляют жильё, а с другой стороны жить-то как раз и невозможно из-за отсутствия элементарных удобств, – Фёдор затаился и глубоко вздохнул.

Оба помолчали.

– А знаешь, Федя, я в своём доме живу лет тридцать. За это время его окружили со всех сторон с минимальным расстоянием между домами, так не то, что проехать, собакам пробежать негде. Глаза уже не смотрят на это безобразие! Говорят, всё по генеральному плану. А кто такой генеральный план придумал, что машины разъехаться не могут? Перед домом при мне мостили дорогу. Сделали её такой узкой, что двум машинам не разъехаться. Всё время заваливаются набок, в канаву и к нам в огород. Я сначала их считал. Как ляжет перед домом машина, я прибавляю в уме штуку. До тридцати насчитал, а потом бросил, бесполезная работа. Всё повторяется с завидной регулярностью. Однажды опрокинулся бензовоз. Бензин из горловины потёк в огород. Шофёр выскочил, видно, что растерялся, оббежал вокруг, достал сигарету и начал прикуривать. Пришлось кричать ему в форточку. Он только после моего крика опомнился и убрал сигарету. Вот было бы смешно, если бензин вспыхнул. От всего микрорайона остался бы один пепел. Я вызвал милицию и пожарных. Милиция через некоторое время приехала, а пожарные не соизволили, пожара-то не было.

Алексей Иванович выглядел уже не молодо, не первый год на пенсии, но ещё работал. Одна беда – баня находилась в полукилометре от дома – большое неудобство. После бани не заскочишь быстро в дом, особенно в ненастную погоду. Также и внучат приходится таскать на себе или на санках. Имелись случаи, что и простывали после такого путешествия. Помолчав, он продолжил:

– Все в той канаве побывали: и легковушки, и автокран, и автогрейдер – целое кино под окнами! Нас убеждают, что застройка по генеральному плану. Какой архитектор этот генеральный план выдумал? Ему бы памятник поставить за такую планировку, за то, что сельских жителей оставляют без обычных для села построек. Каждый год эту дорогу перерывают, да ещё по нескольку раз. Коммуникации рядом с дорогой проходят. Что-то у них не получилось в своё время и трещат трубы по всем швам, как раз напротив нашего дома. Техника, когда начинает рыть, всё валит к нам на забор, больше некуда. Этот самый «облик села» я созерцаю каждый раз из окон.

– Ты, Иваныч, архитектора не жури, время наступило такое: всем по конуре, остальное приложится. Ты посмотри, сейчас вообще ничего не строится. Что раньше было построено, то и заваливается набок. Дома со стоек падают, никакого ремонта.

– Да я так, не со зла. Вот схожу в баньку и пройдёт вся философия. После полка и думать не хочется.

– А что сельсовет? Обратись туда. Думаю, ветерану труда найдут место.

– Сельсовет как раз места и не нашёл. Нет места для бани ветерану труда. Облик села должен быть, вероятно, без бань. Нас простых пенсионеров не спрашивают. Приедет начальство, проедет по центральной улице, бань не видно, значит, порядок. В одном месте облик села нарушается, в другом пожарных не устраивает, в третьем санэпидстанция и конца этому не видно. Ты ведь знаешь, сколько сейчас контор, всем кормиться надо, работу свою показывать, а работа-то она вся на бумаге. Поэтому бань для нас и не предусмотрено. Пенсионеры – люди второго сорта, отработанный, так сказать, материал и никого не интересует, есть у тебя баня или нет.

Может бы Сельский Совет и рад бы был помочь, да все эти СНиПы и ППБ в Москве написаны. Пойти навстречу, значит, пойти против государевых слуг, тех, что сидят выше. В прошлую зиму областная комиссия за это сельсовет оштрафовала.

– Что же делать-то?

– Писать надо депутатам Госдумы, они же законы принимают.

Алексей Иванович зашёл в предбанник, подбросил в топку дровишек. Стало слышно, как затрещали еловые поленья.

– Банька ещё постоит. Может на мой век её и хватит. Смотри, вокруг сколько бань. Со всех домов сюда ходят. Прыгают через грязь и мусор, подъездов-то нет, ни дров подвезти, ни воды. Здесь заботы об облике села нет, после бани и в грязь. Надо же как-то проползти до сухой дороги! Не знаю, что важнее, выдержать геометрические фигуры домов в идеальном порядке или сделать действительно для людей нормальные для жителя удобства. Я объехал много сельских местностей, и везде люди живут, имея своё подсобное хозяйство, в том числе и баню. Приятно посмотреть, когда у людей в субботний день топят бани. А здесь хотят село сделать, как чистый лист бумаги в конторе. Вероятно, разные понятия у простых людей и ответственных работников об уюте и порядке. Это, Фёдор, нашему уму не понять. Мы с тобой через грязь еще попрыгаем и детей научим, и внуков. Они и будут тут архитектуре учиться.

Подошёл Кузнецов, который тоже топил баню по случаю субботы – для деревенского мужика это банный день. Большинство труб «банного городка» дымило.

– Я сегодня сапоги одел. После вчерашнего дождика пройти невозможно, а воду едва навозил. Не едет тележка по нашим колдобинам: что к ближней колонке, что к дальней, всё равно через эту непролазную грязь. Жена давно меня ругает, что ближе баню не построил, а разве от меня это зависит? Вон, на том конце леса я гараж начал строить среди других таких же гаражей и среди сосен. Так оказалось он по архитектурным меркам не подходит по высоте. Я посмотрел, он не выше других и не выше сосен, но всё равно кому-то не нравится. Нет для простого мужика уважения и понимания, что ни сделаешь, всё не так. Возможно, боятся, чтоб самолёт крышу не зацепил или гуси при перелёте в родные места не задели, других ограничений по высоте я не вижу. Сосенки всё равно выше гаража.

Кузнецов тоже числился в пенсионерах. Впрочем, и большинство «банщиков» имели пенсионный возраст. Внукам и детям некогда такой чепухой заниматься, как топка бани, а у пенсионеров любимое занятие.

Мужики смотрели, как женщина пробирается через грязь. За собой она волочила тележку с пустой флягой. Колёса не крутились, проваливаясь по самую ось. Тележка застревала и не слушалась хозяйку. Все представили, как она будет обратно пробираться с полной флягой. А расстояние по этой «дороге жизни» не близкое, добрая сотня метров будет. Мучиться приходится в основном пенсионерам.

Из-за угла соседней баньки вышла распаренная женщина с двумя маленькими детьми. Детишки ловко запрыгали по кучам мусора и грязи, преодолевая препятствия. Женщина тоже, боясь оступиться, перепрыгивала через лужи.

– С лёгким паром!

– Спасибо!

Баный городок жил своей жизнью, понятной и простой. Никто не жаловался, вдоль стоит баня или поперёк, портит она кому-то облик или не портит. Пахло дымом, смоляными поленьями, лесом и чем-то очень домашним и уютным.

05.2008.

БЕЗОТКАЗНАЯ РАБОТА

День набирал силу. Одни самолёты взлетали, другие садились. Шла обычная рутинная работа по перевозке пассажиров, грузов, почты. Никакой романтики, только труд, причём, тяжёлый, требующий напряжения, сноровки, анализа. Пилоты, иногда пренебрегали своевременным обедом, если было куда лететь и что везти.

А народ собрался со всей России. Не имелось в предприятии пока стабильности, не отработана технология, не достаточное взаимодействие служб. Да что там говорить, даже связь не

работала, как того требовала обстановка! Иногда, чтобы связаться с нужным человеком, надо сбегать или сходить в другую службу, а службы разбросаны по всему аэродрому, в разных зданиях, балках, ангаре, подсобках, пристройках.

Время близилось к обеду. Самолётов явно не хватало. В наряд поставили даже те самолёты, которые планировалось отремонтировать и подготовить хотя бы к обеду. Свободные от полётов, но стоящие в наряде, пилоты слонялись по закуткам, посматривая на часы и ожидая, когда подготовят самолёт.

Они проклинали тихонько смежную службу, которая готовила самолёты, но в силу объективных причин не могла работать выше своих сил и возможностей. Документы требовали выпускать в полёт только исправный самолёт, никакие компромиссы не допускались.

На нужном самолёте техник готовил карбюратор к регулировочным работам. Последнее, что он сделал, отвинтил две заглушки на высотном автокорректоре, закрыл на моторе капоты, чтобы исключить случайный доступ к разобранному агрегату и пошёл на обед. «Работа работой, а обед по расписанию», – повторил он в уме, не раз слышанную поговорку. Он был прав: требовалось ещё около двух часов, чтобы закончить работу и предъявить на контроль.

Экипаж на этот самолёт имелся и ждал своего часа, тоже решив подкрепиться перед полётом.

– Ну, что Олег, – сказал после обеда командир самолёта второму пилоту, – Пойдём готовиться к полёту. Пока пройдем санчасть, оформим задание, получим метеоинформацию, глядишь, и лайнер подготовят.

– Ты прав, Борис, надо готовиться. У техников тоже подходит обед, до обеда наверняка самолёт подготовят.

Борис Тёмкин, стройный, высокий и чернявый, был для Олега авторитетом. Он имел приличный налёт и определённый опыт, да и жизненный опыт тоже имелся. У Бориса в отличие от Олега дома ждала семья.

– Пойдём в санчасть, а потом принимаем решение и на самолёт! Можно успеть сделать в Пёшу два рейса за рыбой.

Пилоты обошли необходимые инстанции, собрали подписи, расписались, где надо, сами и отправились к самолёту. Диспетчер задание подписал, хотя фактическую готовность самолёта никто не давал.

Лайнер стоял на стоянке. Единственное, что пилотов смутило, у него никого не было. Проверили горючее, его вполне хватало для выполнения одного рейса.

– Олег займись швартовкой, подготовим к вылету сами. Время обеда, вероятно, техники обедают. Пока готовимся, они и подойдут.

Никто не подходил. Идти спрашивать, значит, потерять ещё один час.

– Садись, поехали! – командир оказался категоричен, – Оформим карту-наряд после полёта.

– Может, я сбегаю, спрошу, – неуверенно спросил второй пилот.

– Пока бегаешь, мы потеряем драгоценное время. Самолёт стоит в плане, значит должен быть подготовлен!

– Хорошо, я всё отшвартовал, снял струбцины.

– Вырулим сами, запроси у диспетчера запуск двигателя.

Запуск диспетчер разрешил. Ему и в голову не приходило, что самолёт неисправен.

Техник сытно пообедав, пришёл продолжать работу, но к своему удивлению самолёта на стоянке не обнаружил. Он даже для верности протёр глаза, но самолёт не появился. Ничего не понимая, он стоял в глубоком раздумье: «Возможно, кто-то работу доделал, но кто мог это сделать, если все заняты, да и не выполнить весь объём работы за один час, пока я отсутствовал. Нужен инженер, проверить регулировку «высотника». Александр, так звали техника, ничего не понимал. Он ещё очень молод, без достаточного опыта работы, быстро сориентироваться и

забить тревогу не догадался. Пошёл спрашивать у своих коллег, куда делся самолёт, но никто не мог ничего объяснить. У всех свои дела, своё дневное задание, и нет дела до чужого самолёта. Александр проверил все самолёты на стоянках, заглянул в док, но нигде своего лайнера не обнаружил. Ничего не оставалось делать, как доложить инженеру.

Юрий Белугин не поверил, что Ан-2 мог просто исчезнуть. Он решил проверить всё сам, а уж потом докладывать выше. Его поиски тоже не увенчались успехом. Никто самолёт после обеда не видел.

Ему ничего не осталось делать, как доложить начальству. Самолёт нашли сразу, выяснив, что он улетел в Пёшу и уже вылетел оттуда обратно. С вывернутыми пробками он лететь не мог, с подъёмом на высоту должен отказать двигатель. А самолёт не только слетал в одну сторону, но и летел, как ни в чём не бывало, обратно. Попытались выяснить, кто доделал работу, но таких специалистов не находилось, впрочем, не нашли и техника, который бы выпустил самолёт в полёт. Карту-наряд, на основании которой экипаж принимает самолёт, тоже не обнаружили.

Какая-то мистика! Никто ничего не видел, неисправный самолёт поднялся в воздух и летит вопреки всем законам физики. Диспетчерской службе сообщили, чтобы самолёту не меняли высоту. Оставалось только ждать.

Встречать самолёт пришла целая делегация.

Экипаж знал о своём нарушении и помалкивал, но не знал о том, что двигатель был частично разобран.

– Как работал двигатель? – спросил Юрий у экипажа.

– Отлично! – послышался ответ.

– Неустойчивой работы не появилось?

– Нет, всё прошло нормально.

Грешно журить победителей, которые сами не знали, на чём слетали!

Получилось и горько, и смешно, самолёт мог и не долететь до пункта назначения. Вывернутые пробки потом нашли в капоте двигателя. Техник продолжил свою работу, а экипажу предстояло выдержать грандиозный разбор. Так уж принято в авиации: о всём случившемся сообщали всему личному составу, чтобы не повторить ошибок, сделанных экипажем.

А инженеры сделали и ещё один вывод: всё, что откручено и открыто, прикручивать и закрывать до обеда.

08.2009.

ВАНЯ

Я возвращался из командировки поздно ночью. Вообще-то я должен вернуться на пол суток позднее, но так уж получилось, что все дела улажены в более сжатые сроки. Подойдя к дому, я посмотрел на окна, в которых, как и в остальных было темно. Маринка скорее всего спала, и мне не хотелось будить её среди ночи. Я стоял у подъезда, не решаясь войти внутрь и разбудить там ночную тишину.

Из подъезда вдруг вышел молодой человек. В его облике я увидел что-то до боли знакомое, но узнать его я не мог. С памятью иногда такое бывает: точно знаешь, что видел когда-то этого человека, но не можешь вспомнить, где и когда.

– Простите, Вы не знаете, который час? – обратился он ко мне.

– Около трёх. А Вы поднялись куда-то с утра пораньше?

– Точнее будет сказать, что ещё не ложился. Засиделся в гостях у знакомой, получилось ни себе, ни людям. Что-то её сегодня тревожило, всю ночь боялась, что придёт муж, и в итоге попросила меня уйти. Никогда не поймёшь этих женщин: то сами приглашают, то выдворяют среди ночи!

– На то они и женщины, чтобы вертеть хвостом. Чего же среди ночи ходишь? Житейские дела можно решать и днём.

– Сам-то тоже, мужик, ночью ходишь!

– Меня ночь застала в пути, вынужденная, так сказать, прогулка.

– Женщина, прямо скажу, изюминка, одна беда, что замужем. Правда и я женат, но это не мешает нам встречаться. Муж её ни о чем не догадывается. Как только уезжает в командировку, я сразу к ней. Так и живём несколько лет. Сегодня первый раз она оказалась такая нервная, не дала даже одеться, выпроводила за дверь.

Только теперь до меня дошло, почему он показался мне знакомым. На нём одеты моя куртка и моя шляпа. В командировку я одеваюсь по-походному, а повседневная одежда обычно остаётся дома.

– Видно, Маринка тебя не очень любит, раз не дала даже как следует одеться.

Теперь он устался на меня.

– А ты откуда знаешь, как её зовут? – спросил он.

– Да уж знаю. Ты же у неё не один.

– Ты разве тоже у неё бываешь?

– Иногда бываю, когда не очень занят работой, но меня она так не выпроваживает.

– Вот стерва, а говорила, что любит только меня!

– А ты меньше доверяй женщинам.

– А как же не доверять, встречаемся столько лет, казалось, что знаем хорошо друг друга.

Доверие у нас имелось полное.

– И что муж её совсем не догадывался?

– Она женщина осторожная. Мне сразу сказала, что семью рушить не хочет – это её условие, и мы его соблюдали. А вообще она говорит, что муж у неё полный лопух, никогда не ревновал и не обращал на её жизнь внимание.

– Так уж и лопух, может, он пытался не создавать лишних проблем и не затевать из-за пустяков ссор?

– Может и так. Это их дело, как им жить. Здесь только одно ясно, что мы с тобой остались не у дел, – незнакомец уходить не торопился, видать, ему требовалось выговориться.

– Пойдём и выясним всё у самой Марины.

– Что, прямо среди ночи? Меня она обратно вряд ли пустит.

– А меня пустит, не имеет права не пустить. Да и одеться тебе надо по-хорошему.

– Разве заметно, что я плохо одет?

– Мне кажется, что одел ты не всё своё. Ну, например, эта шляпа тебе совсем не идёт.

– Шляпу Маринка мне одела уже на ходу – это действительно не моя шляпа.

– Зачем же брать не свои вещи? У тебя есть прямой повод вернуться, а меня никто не выпроваживал, поэтому я могу идти без повода.

– Идти среди ночи?

– Я почему-то думаю, что меня она не выгонит. В конце концов, мы ничего не теряем, навестив Марину. У тебя есть повод приревновать её ко мне, – я невольно поёжился.

Ночная прохлада давала о себе знать. Мы стояли уже несколько минут практически без движения. Мне стало всё ясно и заходить домой теперь надо только для того, чтобы забрать свои вещи, – Давай тогда уж знакомиться, раз мы стали вроде, как родственниками. Меня зовут Иван.

– Меня Ваня. Прости, но меня действительно так звать. Мы оказывается ещё и тёзки.

– Это удобно для женщины, не перепутает имя даже во сне.

– Подведём итог: мы оба Вани и оба любим Марину.

– Я теперь уже не уверен, что люблю именно Марину, – ответил я.

Мой тёзка, кажется, до сих пор не догадывался, что разговаривает с мужем его любовницы Марины.

– А мне она нравится, но только, как любовница. Я женат, и разводиться пока не собираюсь.

– Мне, в отличие от тебя, светит развод.

– Что, так плохо?

– Хуже уже некуда. Я, правда, сам узнал об этом совсем недавно.

– Сочувствую. Честно говоря, я женщинам никогда не верил. Они всё время в поиске, и чем лучше живут, тем больше ищут. Безделье и недостаток способствуют поискам приключений.

– Эти поиски зачастую плачевно заканчиваются. Я согласен, что женщина ищет, где лучше, где комфортнее, где есть защита и опора, но при нормальной семейной жизни искать приключения просто кощунственно. Чего, скажем, недостаёт тебе или твоей Марине?

– Мне недостаёт как раз того, что я здесь и нахожу, а что недостаёт Марине, надо спросить у неё самой. Я не знаю её мужа, может, он какой-нибудь деспот или тиран. Мне она никогда не рассказывала о своей жизни. Ты-то сам тоже ходишь к Марине, значит, тебе также чего-то недостаёт. Зачем-то же ты ходил к ней?

– Я и сам сейчас задумался, зачем я к ней ходил? Наверно, она не та женщина, которая мне нужна. Век живи, век учись. Даю слово, что я ходить больше к ней не буду. А лучше всё же спросить у неё самой, кто ей больше нужен?

Мы поднимались по лестнице. Остановившись у нужной двери, Ваня нажал на звонок. Дверь открылась сразу, как будто нас ждали.

– Марина, прости, это не моя шляпа.

– Шляпу и пиджак можешь оставить. Твой пиджак висит на вешалке. Я в окно всё видела, как вы встретились и как разговаривали, правда, я не знаю о чём, но догадываюсь. Я предполагала, что когда-то всё должно закончиться.

– Да, ложь и обман когда-то должны вылезти наружу, – я успел вставить в диалог своё слово.

– Прости, так получилось. Я не хотела рушить семью – это всё случилось давно. Я чувствовала, что ты сегодня вернёшься, а потом увидела тебя в окно. Ваня ушёл быстро, но видно суждено вам встретиться!

– Так ты и есть муж Марины? – тёзка только и смог это вымолвить.

– Да, я был её мужем. А теперь оставляю её тебе, свои проблемы будете решать без меня, – я сказал это с равнодушным видом, достав из холодильника бутылку коньяка, – И предлагаю это отметить. Я вообще-то с дороги, устал и мне нужна разрядка, чтобы осмыслить всё происходящее. Тебя тёзка приглашаю за стол на правах бывшего хозяина, твоя вина во всей этой истории минимальная.

– А меня кто-нибудь спросит? – Марина, выслушав мою речь, решила задать вопрос.

– В эту минуту пока я хозяин этого дома, а тебя обязательно спросим, как и с кем ты собираешься жить дальше, но это скорее будет уже без моего участия. Ты удовольствие получила сполна, теперь позволь расслабиться мне, а утром я уйду. Как считаешь, Ваня, имеем мы право, позволить себе расслабиться?

– Я здесь не хозяин. Компанию поддержу, раз так уж случилось. Извини, Марина, стечение обстоятельств.

– Теперь обстоятельства виноваты. Кто тебя козла просил на улице подходить к моему мужу. Слизняк, даже нормально уйти не можешь!

– Марина, успокойся. Два Ивана рано или поздно всё равно бы встретились.

– Тебе хорошо говорить, успокойся. Меня-то ты в какое положение поставил?

Тем временем я налил две рюмки и, не чокаясь, свою стопку выпил. Сон прошёл. Спать в постели, на которой совсем недавно спали другие влюблённые, мне не хотелось.

– Давай, Ваня, по второй! Помянем мою бывшую жену добрым словом. Теперь она в полном твоём распоряжении, хочешь – забирай к себе, хочешь – оставайся сам. Я сегодня направляюсь в бессрочную командировку, поживу пока на даче, а дальше видно будет.

– Я выпью. Действительно мы все оказались в нехорошем положении. Хочешь, пойдём ко мне, будешь жить пока у меня. Моя жена женщина нормальная, против не будет.

– А я что, по-твоему ненормальная?

– Иди, Марина, спать.

– Нет уж, наливай и мне. Какой теперь сон?

Мы сидели и мирно беседовали. Со стороны казалось, что собрались все за семейным столом. Когда опустела первая бутылка, Маринка принесла вторую. Сон всё же сморил. Это был какой-то тяжёлый и тягучий мучительный сон, в который я провалился, как в яму. Проснулся я на том же месте, на котором сидел. Голова оказалась тяжёлая и одеревеневшая, мысли путались, перескакивали, казалось, всё, что произошло накануне, мне приснилось. Маринка спала, свернувшись калачиком на диване в домашнем халате. Вани нигде не было. Я поискал что-нибудь утолить жажду, но ничего не нашёл, состояние противное и муторное. Если всё, что произошло, правда, значит, дела мои дрянь. Простить Маринку я не мог. Так уж был устроен, что не мог терпеть обмана. Если в семье ложь и обман, дальше ждать нечего и хорошего впереди ничего не будет. Хорошо, что мы как-то не успели обзавестись детьми – это несколько радовало. Делить, в общем, нам нечего.

Я ушёл в ванную комнату и залез под прохладный душ. Помыться следовало ещё ночью, после дороги, а теперь я не только мылся, но и пытался прогнать хмель. Когда я вышел из-под душа, Ваня, как ни в чём не бывало, сидел на кухне.

– Я принёс подлечиться.

– Спасибо, но я больше не буду. Вчера и так перебрал.

– Тёзка, у тебя плохой вид, выпей тогда хотя бы кофе, пива или напитков. Я всё принёс.

Я выпил пива. Неожиданно для себя я сделался снова пьяным, но стало немного легче. Жизнь уже не казалась законченной, а Ваня наливал снова в стопки водку. Маринка проснулась, когда разговор у нас шёл в самом разгаре. Мы не заметили, как она собралась и, сказав на ходу: «Я поживу немного у мамы», выпорхнула из квартиры. Мне это даже стало на руку. В своей квартире надо немного отдохнуть и отойти от стресса. Впереди выходные, на работу не надо, значит, я мог спокойно всё решить и обдумать. Правда, досаждал Ваня. Он ни на минуту не умолкал, обвинял во всех грехах женский пол, учил, как надо жить и с ними обращаться, даже объяснял, как надо пить водку, чтобы не опьянеть. Его не интересовало, слушал я или нет, он разговаривал сам с собой, ничуть не интересуясь реакцией «аудитории». В Ване я видел источник вдохновения, он не давал уйти в собственные размышления и отвлекал, как мог, от грустных мыслей.

– Ваня, а тебя дома не ждут?

– Из двух зол выбирают меньшее, сейчас плохо тебе, значит, я пока буду с тобой. В конце концов, в том, что произошло, есть и моя вина. Если б я знал, что Маринка твоя жена, я никогда бы с ней не стал встречаться. Кажется, что мы давно уже знаем друг друга, и я переживаю не меньше твоего. Клин вышибают клином. Сейчас я позвоню и попрошу прийти знакомых женщин. Тебе надо отвлечься.

Я возразить не успел, он уже с кем-то разговаривал по телефону и договаривался. Дальше всё шло, как в тумане. Я проснулся, потеряв счёт дням и часам, не зная, утро на улице или вечер. На моей руке мирно покоилась женская голова. Кто эта женщина и откуда, я вспомнить не мог. Высвободив руку, я поднялся и, шатаясь, отправился на кухню утолить жажду. К моему удивлению на кухне хлопотал Ваня. На газовой плите скворчала яичница. За столом сидела белокурая женщина, которую, мне казалось, я видел впервые. Везде чисто и прибрано, даже посуда вся перемыта. Я, устыдившись своего внешнего вида, хотел уйти, но Ваня не дал:

– Садись, тут все свои. Как твоя Галина, проснулась?

– К-какая моя Галина?

– Ну, не прикидывайся. Ты весь вечер называл её «моя лапочка».

Тут до меня дошло, что женщина, которую я обнаружил на своей руке, и есть Галина.

– Ты даже моей Зое целовал руки и приставал, но я не в обиде, Зоя тоже. Присаживайся, будем завтракать.

Я всё же пошёл в ванную комнату привести себя немного в порядок. В зеркале отражалось помятое оплывшее лицо, заросшее щетиной. Привести это лицо в нормальный вид требовалось время. Умывшись, я не стал бриться и пошёл на кухню таким, какой был. Яичница сейчас кстати. Но не успел я сесть за трапезу, как из спальни появилась Галина и, как ни в чём не бывало, уселась мне на колени.

– Ты меня покормишь? Я что-то за ночь проголодалась. Мне давно не было так хорошо, как в эту ночь с тобой. Ты обещал даже на мне жениться, а я, между прочим, не против.

– Я, кажется, вчера перебрал и ничего не помню.

– Чего сразу испугался? На женитьбе я не настаиваю, но предложение можешь обдумать. Ваня сказал, что с женой ты разводишься и тебе нужна женщина.

– Да, но...

Договорить я не успел. В мой рот переместилась со сковороды значительная часть яичницы – это Галина начала за мной ухаживать, сидя у меня на коленях.

– Вот и молодец! Пить я тебе больше не разрешу. Какой-то ты стал весь помятый и небритый, будем приводить твой фас в порядок.

– А я что же, один должен пить? – Ваня сделал обиженное лицо, – За мной почему-то никто так не ухаживает. А я, между прочим, всех собрал, я же, если смотреть правде в глаза, и организовал это застолье в этом составе. Если бы не я, мы никогда бы вместе не собрались.

– Ты наверно забыл, как оказался в этой квартире, – Зоя напомнила Ване его ночное приключение, – Скажи спасибо, что хозяин не выбросил тебя в форточку.

– Я же хотел, как лучше. Откуда я мог знать, что Марина жена Ивана. Что я, ловелас что ли какой-то, чтобы бросаться на жён своих друзей? Да знал бы я, что это жена Ивана, в жизни бы к ней не подошёл.

У меня в голове стоял какой-то сумбур. Последние события все перемешались, пропало ощущение времени, шла какая-то вечеринка, бесконечно затянувшаяся, со случайными действующими лицами, но которых, казалось, я знал уже вечность. Мне навязывали какую-то игру, правил которой я не знал, но был вынужден играть из-за стечения обстоятельств. Галина жила у меня на коленях, расположившись, как дома. Что меня связывало с этой женщиной, я не знал, как не знал также, кто она такая, где работает, где живёт.

Заправлял всем Ваня. Он оказался удивительно компанейским, без багажа комплексов, прост в общении и не давал никому скучать, успевал не только ухаживать за Зоей, но и следил за остальными, чтобы общий разговор казался оживлённым и непринуждённым.

Через некоторое время, поручив нам с Галиной убирать посуду, он с Зоей исчез в глубине квартиры.

Я попытался выяснить у Галины некоторые подробности прошлой ночи и отдельные детали её биографии, но она отшучивалась, и наш разговор шёл как будто на разных языках.

– Нас позвал Ваня, вот у него всё и выясняй, – подвела она итог нашему диалогу.

Уборка на кухне подходила к концу, когда в прихожей хлопнула дверь. Шаги приблизились к порогу кухни, и в проёме двери показалась Марина. Её появления никто не ждал. Она тоже не ожидала увидеть посторонних, да ещё женщину в моём обществе. Ваня с Зоей, очевидно, тоже слышали входную дверь и появились за спиной Марины. Моя жена от растерянности молчала, не решаясь заговорить или не находя подходящих слов.

– Ну, нам, пожалуй, пора, – это проговорил Ваня, пришедший первым в себя от замешательства, – Девчонки, собирайтесь, мы уходим.

– Ну, ты и наглец! Это кого ты сюда привёл? – Марина, наконец, опомнилась и вымолвила первую фразу.

– Всё, всё, Мариночка, мы уходим. Просто навестили Ивана, надо же проверить, как он тут один справляется с хозяйством.

– Я вижу, вы неплохо справлялись. Уходите, не хочу никого видеть, а ты оставайся. Если хочешь уйти, уйдёшь завтра, не с такой помятой рожей, иди, отсыпайся, видеть тебя я тоже не хочу.

Через пару минут гостей в квартире не было. Я ушёл на диван, мне и в самом деле надо приходиться в себя. Выходные закончились. Завтра начинается новый рабочий день, и появятся новые проблемы.

Вани я больше не видел. Сам встреч не искал, а он, вероятно, забыл дорогу к этому дому. С Маринкой мы помирились. Коней на переправе не меняют – это я знал твёрдо и создавать сам себе новых проблем не стал. В новой жизни появятся новые «Вани» и новые «Галины», говорят, с незапамятных времён в природе повторяются определённые циклы, так, вероятно, происходит и у людей.

06.2009.

ВЗЛЁТ

Лёд выглядел идеально ровным и гладким, схваченный намертво ночным заморозком. Стояли тёплые апрельские дни. Слой снега, покрывавший поверхность реки сошёл, а выступившая на поверхности вода, замёрзла от ударившего внезапно ночного заморозка. Выделялась только бывшая дорога, проложенная прямо по руслу реки, по этой дороге вывозили с лугов сено. Весенний день вступал в свои права. Солнце поднялось высоко и заметно пригревало. На сверкающий лёд реки больно смотреть. Алексей старался сосредоточить свой взгляд на дороге, по которой и старался ехать на своём стареньком «ИЖаке». Дорога выглядела ребристой. Прошедшие трактора оставили незначительный след от траков гусениц. Так колея и вытаяла из-под снега с оставшимся следом от гусениц.

Большой необходимости ехать по реке не имелось, только бы её пересечь, но Алексею больно уж понравилась увиденная «трасса», и он свернул на дорогу, по которой возили сено. Мотоцикл даже не потряхивало, настолько ровно замёрзла поверхность льда. Проехав так с полкилометра, Алексей убедился, что ровная поверхность нигде не имеет промоин и трещин. «Сейчас посмотрю, на что мой конь способен!» – сказал он сам себе мысленно. Впереди был прямой участок реки.

Постепенно переключая передачи, мотоциклист включил последнюю наивысшую скорость и выкрутил ручку газа до конца, обеднив корректором смесь и увеличив тем самым скорость мотоцикла ещё больше. Спидометр не работал, но засвистевший в каске ветер, извещал о том, что скорость заметно выросла, которая ощущалась только от набегавшего потока воздуха, а мотоцикл нёсся, как по полированному столу, даже не шелохнувшись.

На душе стало хорошо и радостно. Сверкающая поверхность льда, высокий левый берег с расположенным на нём селом, тёплый весенний день и хорошее настроение сплелись в один комфортный кусочек жизни, отчего на душе становилось весело и приятно. ИЖ нёсся по прямой на пределе всех своих восемнадцати лошадей.

«Жалко никто не видит этого весеннего праздника», – подумал Алексей, – «Вид из населённого пункта уже совсем другой; там и не развить такую скорость, всё время попадаются колдобины да ямины. Сейчас и ездить опасно: колеи от машин залиты водой, можно и поскользнуться, и упасть, а ещё грязь и брызги из-под колёс, если сам никого не окатишь, то тебя обязательно обрызгают».

Удовольствие длилось недолго. Промоину мотоциклист увидел непосредственно перед колесом, поскольку она сливалась со всей поверхностью, и заметить её можно только, глядя сверху. Он не успел даже подумать, откуда она тут взялась? Он вообще ничего не успел подумать, просто взгляд зафиксировал тёмную дырку, которая нырнула под колесо, а в следующее мгновение Алексей уже ни о чём не думал, возможно, потерял сознание. Момент удара он тоже не помнил. Следующее, что он ясно осознал – это полёт в воздухе. Мотоцикл, как взъерившийся и вставший на дыбы конь, летел по воздуху вертикально. Алексей всё также сидел, держась за руль. Сознание начало работать мгновенно и чётко. Он изо всех сил толкнул мотоцикл от себя вперёд, сознавая, что, если эти триста килограмм упадут на него, будет очень плохо. А ещё через мгновение мотоциклист падал сбоку от дороги, успев немного сгруппироваться и принять встречу с землёй правым плечом. Было очень больно, жутко больно! Он ещё не знал, сломал что-нибудь или нет, но осознавал, что живой, дышит, чувствует боль и размышляет.

– Ну, ты, Лёха, и дурак! – сказал он вслух.

Постепенно, ощупывая себя, приподнялся, встал на ноги и пошёл к мотоциклу. Про себя он в эту минуту уже забыл. Теперь сверлила голову мысль: «Что с мотоциклом?». Стальной

конь лежал на дороге метрах в пятнадцати впереди, виден вывалившийся аккумулятор, который быстро удалось вправить обратно на своё место. Двигатель сразу же завёлся.

Поняв, что с мотоциклом всё в порядке, Алексей снова почувствовал боль. Теперь сознание переключилось снова на самого себя. Он ещё раз себя прощупал, но кроме ушибов ничего не нашёл. Сел снова за руль, но мотоцикл ехать не захотел. Переднее колесо стало подпрыгивать и тереться о вилку. Только теперь мотоциклист разглядел повреждение: обод переднего колеса оказался смят вовнутрь. «Это как же надо удариться, чтобы так сделать?». Возможно, смявшееся колесо его и спасло, амортизировало так, что мотоцикл взлетел в воздух вместе с седоком, а не выбросил водителя вперёд по ходу движения. Колесо стало жаль, но оно ехать позволяло, вращалось, задевая крышкой о вилку. На первой передаче движение вполне приемлемо. Только имелось ощущение, что колесо квадратное, так как руль всё время подпрыгивал.

Он так и возвратился домой на первой передаче, проехав через всё село. Никому не было никакого дела до тархтящего по весенней разбитой дороге мотоцикла. Если бы не болевые ощущения, то ощущение от полёта в воздухе на мотоцикле вообще стали незабываемыми.

А стального «коня» своего он отремонтирует, поколдует, кое-что заменит, отрегулирует, и опять поедет.

03.2010.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПРОШЛОЕ

Семён прошёл мимо деревянной проходной и нырнул в выдавшую виды дощатую дверь доперестроечного периода. По её внешнему облику видно, что последние двадцать лет она не ремонтировалась и не обновлялась. У проходной скучал охранник, ненавязчиво наблюдавший от скуки за прилетевшим человеком. Объяснив ему, что нужен начальник аэропорта, Семён Разуваев прошёл несколько десятков метров до перрона.

Семён стоял на перроне и не узнавал аэропорт, от которого веяло каким-то запустением, неухоженностью и тишиной. Кроме рейсового самолёта на перроне других воздушных судов не просматривалось. Вернулся он через много лет, и в памяти остался тот, другой аэропорт, когда всё шумело, крутилось, суетились люди, копошился инженерно-технический персонал, чинно спешили к своим лайнерам пилоты, не торопясь, но и стараясь не опоздать к назначенному времени. Перрон весь завален какими-то мешками, ящиками, фермами так, что самолёту и развернуться негде. Груз не успевали убирать и отправлять далее по площадкам. Маленькие Ан-2 садились и снова взлетали, увозя в своём чреве тонну груза, иногда пассажиров и почту. Стоял неумолкающий шум моторов. Урчали двигатели, как на самолётах, так на машинах и механизмах, обслуживающих всю эту армаду лайнеров.

Сейчас здесь стало пусто. Только вдалеке, где раньше располагались самолётные стоянки, стояли остовы от догнивающих самолётов. Разрушительные реформы не оставили ничего. Осталось только то, что невозможно или невыгодно унести или увезти. Мало что в последствии использовано по прямому назначению.

Пассажиры медленной вереницей тянулись со своими сумками и баулами к выходу с перрона. Ему бросилось в глаза, что многие тянули огромные клеёнчатые сумки, в которых раньше «челноки» перевозили шмотки из-за границы. На севере этого явления раньше не возникало. В магазинах имелись стабильно пустые полки со скучающими продавцами. Веяние нового времени коснулось и Севера. На свободные рынки сбыта кинулись сотни мелких торговцев и предпринимателей, которых раньше называли просто и ясно – спекулянты. Формула этого явления проста, как Божий день: купить дешевле, продать дороже. Этим сейчас и занималась львиная доля значительно поредевшего за последние годы населения, оставшаяся без предприятий, работы и во многих случаях без средств к существованию. Негативного отно-

шения к деятельности предпринимателей у населения не водилось, даже наоборот, появилась возможность купить всё, что захочется, были бы деньги. Люди просто работали и зарабатывали себе на жизнь на перепродаже товара и продовольствия. Совхозы и государственные предприятия исчезли. Чем ещё зарабатывать людям себе на жизнь? Тем и зарабатывали, что приспособивались к этой жизни, кто как может.

Были попытки и раньше открывать свой бизнес, создавали кооперативы, но они просуществовали очень недолго и их задушили в самом зародыше налогами и проверками. Долше других продержались видеозалы, но и они со временем тоже исчезли под натиском давления сверху, как нёсшие чуждую для того времени идеологию, пропагандирующие якобы секс и насилие. А теперь эти «секс и насилие» транслируются круглые сутки по всем каналам телевидения. Западная культура упорно навязывается общественности, старикам, детям. Доминирует засилье экранных девиц, ведущих якобы самый правильный образ жизни, распущенных и вульгарных, не имеющих понятия о нравственности и морали. Отношение народа к этим проявлениям западной морали однозначное, но все вынуждены смотреть то, что показывают с обязательной демонстрацией курения и распития спиртных напитков, а потом разбрасыванием в разные стороны окурков и пустой тары – это в том, другом экранном мире, очевидно, считается высшим шиком.

От нахлынувших мыслей отвлёк вопрос:

– Семён, ты что ли?

Семён вглядывался в постаревшее лицо окликнувшего его человека. Он конечно же его узнал, но никак не мог привыкнуть к новому, ему непривычному облику. Семён знал его молодым энергичным, требовательным, а сейчас на него смотрел пожилой человек с грузом за плечами от прожитых лет, но глаза те же самые, правда, потускневшие, но с живым блеском.

– Я, своей персоной.

– Ты как тут?

– Но ты же здесь? Вот и я здесь, – он рассмеялся.

– А ты всё такой же шутник. Я-то никуда не уезжал. Реформы, глобальное переселение – это всё не для меня.

– Разве реформы тебя не касаются?

– Реформы сами по себе, а я сам по себе. Мы существуем параллельно и друг другу не мешаем. Каждый идёт своим путём.

– Это хорошо, что ты не растерял свой оптимизм. Работаешь?

– Пока работаю. Самолёты доживают свой век, я вместе с ними. Чего приехал-то? Погостить?

– Только по гостям и разъезжать. По делу приехал. Двигатели нужны.

– Для АН-2?

– Для него.

Старшинов Володя, помолчав, сказал:

– Ты же знаешь, сколько лет прошло. Двигатели есть, но они все требуют ремонта.

– Мне сгодятся любые.

– Куда же ты их ставить будешь?

– Как куда? На самолёт. Ставим и летаем.

– Вы ребята самоубийцы.

– А куда денешься? Сейчас запчастей не найти, в том числе и двигателей. Ставим всё, что найдём.

– Как же вам разрешают?

– Запрещать некому. Лицензия для полётов есть. Проверяют только бумаги, а остальное никого не интересует. Так и летаем, на списанных двигателях. Числится на самолёте один, а на

самом деле стоит другой. Если мне не изменяет память, здесь на складах было столько всего, что можно озолотиться.

– Вот именно: было. После работы старого директора и нового внешнего управляющего, человека далёкого от авиации, взятого неизвестно откуда, мало что осталось, всё разворовано и растащено. Директора нажились и исчезли. Говорят, всё сделано по закону.

– А как же, у них всё по закону. Только мы почему-то остаёмся в стороне от их законов. Нам ничего не остаётся. Летаем, на чём придётся.

– Законы написаны для тех, кто у руля. Они создают законы, они же и уничтожают предприятия одно за другим. За десять последних лет я не припомню случая, чтобы что-нибудь создавалось, если не считать коммерсантов, которые сами по себе возникают и исчезают, но некоторые, правда, остаются, ухватив удачу за хвост.

– Ты говори конкретно: поможешь или нет?

– Я-то чем тебе помогу? Работаю в организации, которая за пределами района. Оставшееся имущество числится в администрации. Оттуда надо и начинать.

– Но посмотреть-то можно на то, что осталось?

– Посмотреть можно, обратиться в аэропорт.

Семён пошёл искать Генерального директора маленького и теперь уже почти никчемного аэропорта. Веяния нового времени всех мало-мальски действующих начальников сделали Генеральными. Народ к этому привык и не обращал внимания: пусть себе ходит и радуется, что он Генеральный во главе нищего предприятия. А предприятия эти продолжают разваливаться одно за другим.

Перед проходной он обратил внимание, что у котельной копошатся люди, идёт какое-то строительство, что выглядело очень непривычно для глаз. В последнее время такую картину можно наблюдать редко.

Погода стояла самая, что ни на есть, мартовская – лёгкий морозец с ярким солнцем, слепящим глаза светом, отражённым от искрящегося снега. Получалось, что встретил он пока только одного бывшего работника предприятия. Объединённый отряд в своё время насчитывал около тысячи человек. Нельзя нигде пройти, чтобы не встретить по пути несколько десятков человек, а теперь словно всё вымерло. Так это, наверно, и есть на самом деле в прямом смысле этого слова.

Видневшееся здание бывшей столовой авиапредприятия имело жалкий вид: стояло с заколоченными окнами, неухоженное и заметённое снегом. Видно, что к нему никто не подходит, и оно стоит само по себе.

Семён приехал на машине. Сейчас ему оказалось приятно видеть, что появилось хоть что-то: появилась прекрасная зимняя дорога, по которой, говорят, можно ездить на машине теперь и летом. Дорога имела и раньше, но по зимнику на отдельных участках приходилось объезжать каждую ёлку. За последние годы дорогу выпрямили, отсыпали и сдали в эксплуатацию для круглогодичного сообщения с областным центром.

– Здравсте! – мимо прошла краля, в которой Семён едва узнал девушку-метеонаблюдателя, которая когда-то была молодой и весёлой хохотушкой, а сейчас на него смотрела взрослая женщина. Одно почти не изменилось – её хубоба – годы почти не изменили тоненькую фигуру.

– Здравствуй, тебя и не узнать!

– Постарела?

– Нет, повзрослела. Пора уже и замуж!

– Спихватился! У меня внуки растут.

– А я бы на тебе женился, стала красавицей. Директор аэропорта существует? Где его найти?

– Пока самолёт здесь, он тоже здесь, ищи в кабинете.

Договориться с директором не составило труда. В сопровождающие ему дали всё того же Володю Старшинова.

Склады поразили своей неухоженностью и безнадзорностью. Видно, что новому хозяину нет никакого дела до оставшегося имущества, залитого водой от прогнившей крыши и, наверно, нет никакого дела до всей авиации. То, что имелось на складах, больше напоминало мусорную свалку. Новый хозяин был некомпетентен в правилах хранения авиационных запасных частей, поэтому всё лежало навалом, без документов и, даже опытному специалисту трудно разобраться в этом нагромождении. Бывших директоров тоже мало волновало, что останется после них.

– Зря наверно я сюда приехал, – сказал Семён, – Жаль потраченного времени, бензина. У меня до сих пор перед глазами стройные ряды полок с новенькими запасными частями и агрегатами, от которых рябило в глазах. Столько всего было! Я никак не думал, что нечего будет купить.

– Ты спохватился! Всё более-менее ценное давно разворовано и растащено. От директоров запоров не существовало. Куда всё ушло – одному Богу известно! Осталось только то, что на самолёт ставить вредно и небезопасно, а что первой категории, на то нет документов и истекли сроки хранения.

– Пойдём отсюда, посмотрим двигатели, пару двигателей я всё же возьму, а потом отмечу отвальное – не зря же я сюда ехал! К вечеру собери знакомых парней.

По лицу видно, что Семён удручён увиденным.

Вечером Разуваев сидел в гараже в кругу бывших работников. Мужики помогли загрузить двигатели на машину, за которые он заплатил районной администрации, пополнив, таким образом, местный бюджет, а теперь он выставил работникам аэропорта за оказанную помощь.

– Как же вы тут живёте? Кроме взлётной полосы ничего не осталось.

– Живут на Рублёвке, а мы существуем, переселиться тоже туда у нас маленько не хватает средств, – ответил охранник аэропорта, – Вот заработаем на переселение и тоже уедем.

– Представляю, сколько у вас не хватает с такой нищей жизнью. Самолёты-то хоть прилетают?

– Два рейса в неделю стабильно, летом почаще. Самолётов не осталось, да и возить уже некого, большинство «пассажиров» во время реформ отправились в последний путь в одну сторону. Те, кто ещё живые, предпочитают ездить на машинах. При наших заработках на авиабилет не заработать. Здесь, если так можно сказать, прошла война и всё выкосила, как людей, так и всю инфраструктуру, всё реформировано на сто процентов. Вот только для кого эти реформы, мы не знаем. Остались одни конторы, которые размножаются и висят, как ярмо, на бюджете. Вот бюджетных денег ни на что и не хватает! Представь, сколько надо бюджетных средств только на содержание всего аппарата чиновников! Есть даже такие чиновники, которые, имея шикарные машины и квартиры, умудряются получить статус малоимущих. Стыд, честь и совесть у этих людей отсутствуют, может, растеряли, а, может, никогда и не имелось.

– Хватит о грустном, везде одно и то же. Мы ничего не исправим, а зря языком молоть тоже не хочется, – Семён наполнил стаканы, – Тост за нас, за тех, кто не бросил авиацию, остался нищенствовать, но продолжил дело Российских авиаторов!

– Правильно сказал, уточняя: за нищих авиаторов, – Володя поддержал тост, – Мы, все здесь сидящие, очень рады встретить коллегу из прошлой жизни живого и здорового, оставшегося верным своему делу, летающего на списанных двигателях, но не утратившего чувство юмора и оптимизма!

– Говорят, что нельзя побывать в прошлой или будущей жизни, но я сейчас вернулся в прошлое, туда, где мы все жили и работали одной семьёй. Завтра проснусь, и снова надо возвращаться в жизнь настоящую.

Сумерки сгустились. Короткий зимний день угасал. Неизвестно откуда взявшаяся муха билась об оконное стекло. Стаканы оказались наполнены для очередного тоста.

02.2010.

ВСТРЕЧА

Нещадно палило солнце. Спасало только то, что рыбаки уже возвращались, и в каньоне таёжной речки Ёжуги сохранялась прохлада. Лёгкий ветерок при движении лодки приятно обдувал. После трудов на мошкаре и гнусе казалось, что попали в рай.

Стоял конец июня. В это время года, когда по берегам уже выросла густая зелёная трава, стоит только ступить на берег, как появляется, неизвестно откуда, великое множество кровососущих тварей. Писк и жужжание сливаются в постоянный сопровождающий человека шум, при этом каждая тварь стремится попасть в глаза, уши, нос и рот, лезет за воротник и во все щели, где только возможно. Света белого в буквальном смысле слова не видно. Только заядлые рыбаки спокойно переносят эту напасть и занимаются своим делом, невзирая на укусы и, если можно так выразиться, неудобства.

Алексей сидел за мотором, а два сына расположились в носу деревянной лодки. Маленький Евгений лежал в самом узком месте, удобно устроившись на чехле, а постарше сын Артём сидел на деревянной доске. Лодка скользила по водной глади, выписывая причудливые повороты по руслу реки. Мотор работал на средних оборотах, так как прямых участков имелось мало и разогнаться негде. Иногда попадались подводные камни и топляки, требовалась предельная внимательность и осторожность.

Мотор равномерно гудел, убаюкивая. В голову лезли тягучие мысли, вспоминалась наваристая уха на последнем привале и сегодняшний выловленный хариус, превосходящий по размерам всех остальных – это был, пожалуй, самый большой хариус, которого удалось выловить на удочку. Хариус – рыба сильная и отчаянно сопротивляется при попытке вытащить его из воды. А этот попался не на пороге, а на вадеге, на спокойном месте реки. Когда преодолевали на шесте этот участок, Артём забросил удочку на всякий случай и волочил поплавок вслед за лодкой. Вот хариус и уцепился, взявшись неизвестно откуда. Дно реки просматривалось, но визуально рыбы не было видно. Попался он прочно. Возникли только опасения за прочность лески. Сразу видно, что рыба попалась большая.

Алексей перехватил удочку:

– Держи сачок, – крикнул он Артёму. Сам стал, не спеша подтягивать рыбу к лодке. Это удалось не сразу. Хариус охотно давал себя подвести к лодке, но не ближе одного метра, а затем начинал выделять в воде разные кренделя: уходил далеко в сторону к носу или корме, нырял под лодку, уносился в сторону берега, выныривал над поверхностью воды и никак не подплывал к борту лодки. Рыбак переживал, что леска не выдержит, и охотно давал уходить ему в сторону, надеясь, что рыба, в конце концов, устанет и выдохнется.

Артём несколько раз почти зацепил сачком хариуса, но он каким-то чудом ускользал и снова оказывался вне сачка. Борьба продолжалась долго. Устали все, но закончился поединок победой человека. Рыба оказалась в лодке.

Мысли перескакивали с одной на другую. Лодка проходила в месте, где один берег был очень высокий и крутой, покрытый густым еловым лесом, а другой низкий и заросший ивовым кустарником. И вот внезапно со стороны высокого берега сквозь звук мотора послышался какой-то посторонний шум. Никто ничего не успел понять, как из леса не выбежал, а грохнулся всей своей массой в воду лось метрах в двадцати впереди лодки. Понятно, что выгнал его гнус, и он спасался таким образом, убегая и пытаясь переплыть речку.

Алексей сразу сбавил газ, но лодка по инерции продолжала двигаться вперёд, быстро настигая лося. Он плыл поперёк течения на другую сторону. Первоначально он лодку, по всей вероятности, не видел и увидел её, когда нос почти поравнялся с его головой. Лось резко изменил направление и поплыл вниз по течению. Скорость лодки почти упала, и рыбаки двигались параллельно с животным минуты три. Алексей держался на некотором расстоянии от лося, не пугая и не шевелясь. Отвернуть на узком фарватере некуда. В конце концов, отвернул лось. Он развернулся в сторону берега, с которого пришёл и через минуту был уже на берегу. Вышел, отряхнулся, посмотрел с гордо поднятой головой на рыбаков и, не спеша, удалился в лес.

10.2007.

В ТУНДРОВЫХ ПРОСТОРАХ

В вертолёте сидеть оказалось негде. Места все заняты, а те пассажиры, которые зашли, стояли, тесно прижавшись друг к другу. Между людьми, их ногами, головами, всё занято вещами. Лететь надо всем, другого транспорта не имелось, поэтому пассажиры молча переносили временные неудобства, а пожитков набралось много. Часть пассажиров летела на весеннюю охоту суток на десять с запасом снаряжения и провианта плюс тёплая одежда и ружья. Какой-то час лёту люди готовы терпеть, стоя на одной ноге. Вертолёт набрал обороты винта и тяжело оторвался от поверхности. Создалось такое впечатление, что ему не хватит сил оторвать всю эту ораву от земли. Но, немного повисев, лайнер легко взмыл вверх и взял нужный курс.

В это время года с транспортом большие проблемы. Дороги и аэродромы «раскисли», переправы на реках приказали долго жить. Оставался только вертолёт. А так как на полёты вертолёта расписания не имелось, приходилось сидеть и ждать, когда он прилетит. Охотники народ ушлый, обычно всё знают и подгадывают свой отлёт к прибытию оказии. Вот и получилась куча мала! Всем надо улететь и, причём, в одно время и одним и тем же рейсом.

Внизу простиралась тундра с редкими деревцами. Весна набрала полную силу, и бугорки с кустарником чернели без снега, а между ними лежал снег, кое-где посиневший. Синий лёд, как правило, виднелся на озерах. Высадить Алексея с двумя друзьями в нужном месте не удалось, в той стороне сплошной стеной стоял туман, поэтому высадились на аэродроме. Алексей выскочил первым и принимал пожитки.

– Всё на месте, выпрыгивайте! – скомандовал он, сложив вещи.

Юрий выпрыгнул, а Анатолий показался в проёме с ружьём в руках.

– Это чьё?

Оказалось, что Алексей пересчитал всё, кроме своего ружья.

– Моё! Спасибо! Я старался сосчитать ваши вещи и забыл про свои.

Пока разбирали вещи, огромная толпа людей вся исчезла. Охотники пошли узнавать о попутном транспорте к месту охоты. Оказалось, что большинство охотников поджидали знакомые и друзья, сразу повезли их в тундру. Остался один транспорт в самом конце деревни, вездеход, который тоже должен отправиться в путь. Сделав несколько звонков, наконец, вышли на нужного человека.

– Успевайте, ждать не будем. Взять попутно можем.

Быстро расхватав вещи, охотники отправились в нелёгкий путь. Бежать с такой поклажей не хватало никаких сил. Шли, нагруженные, в тёплой одежде, обливаясь потом, к вездеходу успели. Машина на гусеницах оказалась битком набита людьми. Сзади из-под брезента торчала морда овчарки. Наверху на кабине сидели люди; один человек сидел на водительской кабине, как вперёдсмотрящий; внутри в двухместной кабине сидело три человека. Никто не знал, как и куда размещаться. Охотники полезли в переполненный кузов. Удивительно, но все они влезли с вещами. Собака оказалась где-то между ног. Кто-то успел наступить ей на ногу, но овчарка,

видно понимая всю нелепость ситуации, огрызнулась, но никого не укусила. Вездеход тронулся и, набирая скорость, двинулся по дороге.

Юра рассказывал:

– По этой дороге мы однажды шли пешком в точно такое же время. Транспорта не нашли и отправились пешком. Когда шли через карликовые берёзки, с тундры хлынула вода. Её уровень быстро поднимался. Вода оказалась впереди и сзади, откуда пришли. Сапоги едва хватили. Остановились, боясь провалиться и залить сапоги. Ноги в ледяную воду окунать не хотелось, и что делать дальше, мы тоже не знали. Чтобы встать удобней, я снял ружьё и выстрелил в рядом стоящую берёзку. Топора с собой не взяли, поэтому повалить её я решил таким способом, берёзка упала. Встав не неё, я стал заметно выше и риск залить сапоги, значительно уменьшился. Поняв выход из положения, я стал выстрелами валить перед собой густо стоящие берёзки и двигаться вперёд. Напарник продвигался за мной. Так мы дошли до более высокого места.

За разговором время шло быстрее. Но, видно и в этот раз охотникам не повезло. Дорога стала заливаться водой. Это стало слышно по хлопам гусениц и видно сзади вездехода сквозь просветы между людьми. Послышался шум реки – это попала не река, а речушка, ставшая весной грозной рекой. Гусеницы забарабанили по деревянному мосту, который оказался полностью скрыт под водой. Звук становился всё тише и, скребнув последний раз, гусеницы вездехода закрутились вхолостую. Мощным течением его снесло с моста в бурлящий и пенящийся поток. К удивлению пассажиров, перегруженная машина не пошла камнем ко дну, а каким-то чудом держалась на плаву. Сидящим внутри абсолютно ничего не было видно. Только гудел мотор, и вращались вхолостую гусеницы. Выбраться из кабины не имелось никакой возможности, да и необходимости не возникало – в ледяной воде во всём снаряжении никуда не уплыть. Через несколько минут, казавшимися вечностью, гусеницы скребнули землю. Сразу почувствовался рывок вперёд. Затем ещё захват и ещё, и вскоре вездеход побежал дальше, как ни в чём не бывало. Каким образом эта чудо-машина выкарабкалась на берег, оставалось только догадываться, паники не возникло. Когда вездеход смыло с моста, в кузове воцарилось полное молчание. Охотники замерли с суровыми лицами, но никто не проронил ни слова. Так и стояли в полном неведении о том, что творится за бортом. Сверху всё закрывал брезент, а сзади обзор имелся только у тех, кто стоял у борта.

Через десять километров вездеход остановился. Кое-как выбравшись из кузова, охотники облегчённо вздохнули. На месте! Правда, до намеченного пункта назначения оставалось около двух километров. Изба виднелась с пригорка тундры в огромной излучине реки. Река находилась под панцирем весеннего сопревшего льда с полыньями и трещинами. Низко над горизонтом светило яркое солнце. На улице тепло и привольно. Единственным неудобством оказался яркий свет, отражавшийся от белого снега, но на этот случай у охотников с собой предусмотрены солнцезащитные очки.

– Давайте принимать решение, – сказал Анатолий, – Остаёмся здесь или будем перебираться к избе. Здесь, конечно не хотелось бы оставаться. Ночью будет очень холодно, а отдыхать всё равно придётся.

– Переходить страшно, лёд снизу сильно подмыт, большие трещины, вода с отливом уходит, и кромки льдин просто висят над бездной, – Юра глядел с сомнением на реку и весь его вид говорил, что он не пойдёт.

Подытожил Алексей – он находился здесь первый раз. Очень уж хотелось попасть туда, где по рассказам отличная охота, да ещё с жильём.

– Я считаю перейти можно, соблюдая дистанцию и осторожность. Я пойду первым, навыки по такому случаю имеются.

Сильно возражать никто не стал. Нагрузившись рюкзаками, кузовами и профилями на гусей, тронулись в путь. Алексей выбирал маршрут по наиболее прочному льду, остальные

след в след на расстоянии двигались за ним. Перешли без приключений и довольно быстро. Оставив часть поклажи на второй заход, быстро пошли к избе.

В доме находились охотники, но места хватило всем. Это оказалась огромная колхозная изба с несколькими комнатами, с тремя печками и нарами для ночлега. Стоял дом на самом высоком месте, может быть, выше остальной равнины сантиметров на тридцать или пятьдесят. Когда ветер дул с моря, всю окрестность во время прилива заливало морской водой, а изба становилась единственным островком, но это случалось крайне редко.

Как положено у настоящих охотников первым делом накрыли стол и согрели чай.

Впереди предстояли законные десять дней охоты в бескрайних просторах тундры.

В первую ночь лёд, по которому переходили, унесло в море, как будто его и не было.

04.2008.

ВЫНУЖДЕННЫЙ ДЕСАНТ

Выехать надо было вечером или ночью, чтобы успеть к рейсовому самолёту. Отпуск заканчивался. Мы находились втроём на побережье моря в тундре. Не зря говорят: «Охота пуще неволи». Речка Яжма находилась на полуострове Канин, а мы вместе с моторной лодкой на берегу этой речки. С моря дул сильный ветер и о том, чтобы выехать на лодке в море не могло быть и речи. Огромные волны мчались к берегу, их гребешки под напором ветра, загибаясь, разлетались в брызги. Море шумело и белело гребнями волн. С берега они казались невинными овечками, но я-то знал, что значат эти белые гребешки. Волны достигали высоты, примерно, двухэтажного дома и, всей своей мощью накатывались на берег. Настроения ни у кого не было. Опоздав на самолёт, мы автоматически опаздывали на другой и, следовательно, опаздывали на несколько дней на работу.

Нехитрые охотничьи пожитки все собраны, а мы сидели и ждали, как говорится, у моря погоды. К полуночи ветер несколько утих, но море волновалось и шумело, выезжать страшно. Мы решили ждать ещё. Примерно через час с соседней речушки вылетела моторная лодка и напрямик по руслу реки направилась в море. Мы, уже не сговариваясь, сели в лодку и отчалили, а, запустив мотор, направились вслед за лодкой в открытое море.

Волна, по мере продвижения, становилась всё больше и больше. Направили лодку чуть наискось, чтобы одновременно двигаться вдоль берега. Шёл прилив. Морское течение пока попутное. Не проехали и двух километров, как у впереди идущей лодки заглох мотор. Не знаю, чем мы могли помочь в этой ревущей круговерти попутчикам, но по обоюдному согласию сбросили обороты до минимальных и находились метрах в трёхстах от попутной лодки. Мотор у соседней лодки то запускался, то снова глох. Время шло, а мы почти не двигались. Огромные волны вздымали нашу дюралюминиевую лодку на самый гребень, бросали обратно вниз, в бездну. Вершина очередной волны высоко вверх загибалась на лодку, но почему-то не успевала обрушиться, и лодка взлетала опять вверх.

Так продолжалось часа два. Наша посудина очень мало продвинулась, а ветер опять стал набирать силу. Вскоре соседи справились с мотором и рванули вперёд. Через несколько минут мы потеряли их из виду, а у нас начались неприятности. Стали попадаться под винт мотора какие-то палки, брёвна, коряги. Лодка попала в полосу прибрежного мусора, примерно, в километре от берега.

Из нас троих некоторый морской опыт имелся только у меня, но я не стал давить своими знаниями и в этой критической ситуации старался решать вопросы коллегиально, прислушиваясь к мнению остальных, а в уме давно решил, что надо каким-то образом попадать на берег. Как это сделать, имелись только смутные догадки. Мотор заглох. Я распорядился, чтобы товарищи взяли по веслу и гребли. Объяснил, как надо держать лодку, а сам полез под винт вынимать очередное дерево. Оказалось, что мои напарники не умеют обращаться с вёслами.

Пришлось мне отвлечься и показать. Видя, что нервы у всех на пределе, попытался успокоить, сказав, что ничего страшного нет, бывает и хуже. Спросил, что будем делать дальше и услышал однозначный ответ, что надо двигаться против волны в море. У них созрело твёрдое представление из рассказов бывалых, что далеко в море волна более пологая. Возражать не стал, молча согласившись, хотя на самом деле был не согласен, догадываясь, что прямо против волны лодку зальёт.

Мотор после каждой остановки заводился с трудом. Я уже изрядно устал. Когда в очередной раз мотор завёлся, напарники направили лодку прямо против волн в море.

Лодка взлетела на волну высоко вверх, и самый гребешок её через нос лодки и ветровое стекло обрушился внутрь на головы впереди сидящих, им за шиворот и дальше вниз. Мне стало смешно, не смотря на всю нелепую ситуацию. Представил, как ледяная вода течёт по спине и, невольно поёжился. Я в чужой лодке был пассажиром, поэтому не знал, где и что находится. Пошарил глазами, но посуды для отлива воды не нашёл и, как оказалось, воду не отлить, так как внизу был сплошной настил из досок. В это время вторая волна проделала то же самое. Лодка на треть оказалась заполнена водой. Мне пришлось пробраться вперёд и держать совет, затем с согласия напарников направил лодку наискосок к волне, что сразу позволило двигаться без зачерпывания воды, но берег по чуть-чуть упорно приближался. Ветер исправно делал своё дело. Объяснил, что самая сильная волна на мысу, который далеко впереди выдвигается в море и, который, по сути, был конечной точкой морского путешествия. Предложил выбрасываться на берег, а по существу на лёд, так как метров на пятьсот от кромки берега имелся сплошной лёд, который прибило штормом. Растолковал, что, кому и как делать; на этот раз возражений не последовало.

На волне, регулируя обороты двигателя, втиснули лодку между льдинами и, добавив газу, въехали на льдину, быстро выпрыгнув на лёд, сразу дёрнули лодку вперёд. Получилось очень слаженно и толково. Очередная волна обрушилась на лёд, но достала только мотор. Не успели отдышаться, как заметили, что лёд медленно начал выплывать в море. Оказалось, что мы попали в русло речки, а начавшийся морской отлив стал выносить из речки льдины в море. Быстро сориентировавшись, выбрались из русла на прочно сидящую на мели льдину. На берегу виднелась изба. За лодку можно не беспокоится до следующего прилива. Пошли, перепрыгивая по льдинам, к избе, в ней оказался охотник, а печка была жарко натоплена. Попив горячего чая, уснули мёртвым сном. Разбудил нас охотник. Оказалось, что начался прилив и надо идти за лодкой. По руслу реки привели её к берегу. До авиаплощадки насчитывалось километров пятнадцать. Оставив хозяина лодки с новым напарником ждать тихую погоду, вдвоём отправились пешком к самолёту.

09.2007.

ГАРМОШКА

До Губистой лететь долго. Ан-2 тархтел в морозном воздухе. Тридцатиградусный мороз сковал всё в единый монолит. Звук мотора такой, как будто винт с большим трудом разрезает густой морозный воздух.

Сообщение поступило накануне – два самолёта столкнулись на стоянке. Как там и что произошло, можно только гадать. Главной задачей стало – перегнать самолёты до Мезени, пока не остыли двигатели. Если они остынут на таком морозе, потом оживить их потребуется много времени и сил, да и средств тоже для того, чтобы доставить подогреватель воздуха. А чтобы перегнать самолёты требовалось их осмотреть, составить акт и только тогда принимать решение, можно перегонять или нет.

Один самолёт принадлежал Второму авиационному отряду, а второй самолёт местному авиапредприятию.

Два инженера и один техник сидели в пассажирской кабине в тёплых шубах и унтах. Даже в такой верхней одежде мороз проникал внутрь. Время от времени люди зябко поёживались. С собой они взяли только набор инструмента да материал для подклейки обшивки. Надеялись, что повреждение небольшое.

Уже в пути узнали, что самолёт Второго отряда ещё не вылетал. Так уж в авиации принято, что свои грехи расследует своя комиссия. В данном случае, когда два самолёта с разных предприятий, ожидалось прибытие двух комиссий.

Светлого времени зимой мало. Вся работа надо выполнять быстро, чтобы успеть улететь обратно. В тундре гостиниц экстракласса нет. Ночевать, конечно, на улице не оставят, есть домик у рыбаков, но там и так тесно. Четыре экипажа и прибывшие специалисты – это полтора десятка человек. Было бы не просто тесно, а сверхтесно.

Самолёт, как назло, будто завис в воздухе. Двигатель работал, а движения не ощущалось. Внизу белая простыня снега, а вокруг мутный белый воздух, искрящийся мельчайшими снежными пылинками.

Наконец, экипаж убавил обороты двигателя, и самолёт пошёл на посадку. Он мягко коснулся полосы, даже не полосы, а общей белой поверхности, помеченной по размеру полосы вешками из кустиков. Пассажиры прильнули к окнам, не терпелось увидеть степень повреждения. И увидели: самолёты стояли рядом, у местного лайнера повреждена только законцовка верхнего крыла, а у другого самолёта треть верхней плоскости собралась в гармошку. Экипажи обоих воздушных судов выстроились, как на параде и, в свою очередь, пытались разглядеть, кто прилетел. Начальник технической службы инженер Кузин пошутил:

– Смотрите! А наш-то самолёт оказался крепче, только слегка поцарапан!

Все понимали, что это только шутка, на самом же деле, самолёты ударились не слабо, и надо проверять силовые элементы перед тем, как готовить свой самолёт к перегону.

– Как же вас угораздило? – спросил Кузин экипаж, когда все члены комиссии выскочили из самолёта.

– Стали расходится бортами, места около груза мало, поднялась снежная пыль, и не рассчитали, неправильно оценили расстояние между самолётами, – пояснил командир самолёта.

Экипаж Второго отряда стоял в сторонке и молчал. Инженер Сеницын сразу полез на плоскость вскрывать обтекатель, чтобы осмотреть место крепления плоскости к фюзеляжу, а техник занялся другими мелкими делами, готовил инструмент, клей и материал для ремонта повреждённого участка, хотя каждый член комиссии мысленно про себя подумал, что самолёт можно поднимать в воздух и так.

Экипажи отошли в сторонку и делились впечатлениями, поглядывая в ту сторону, откуда должен прилететь самолёт со второй комиссией.

Инженер Сеницын сидел на плоскости и размышлял: «Мы-то, скорее всего, улетим, а что же коллеги будут делать со своей «гармошкой», которую на месте никак не исправить? Надо менять плоскость».

Мороз всё крепчал, сгущались сумерки. Наконец послышался отдалённый звук самолёта. Через несколько минут он сел, подрулив к трём остальным. Когда снежная пыль осела, все увидели прибывших людей. Из лайнера вышли несколько человек, подошли, поздоровались и направились к своему самолёту.

Сеницыну стало интересно с профессиональной точки зрения, какое же решение они примут? А они не принимали никакого решения. Главный специалист, но не главный в комиссии, подошёл к плоскости, посмотрел на неё с низу вверх, улыбнулся и сказал:

– Поехали!

Прибывшие, как будто, только и ждали этой команды, сели в повреждённый самолёт и взмыли на своей «гармошке» в воздух. Следом поднялся самолёт, на котором они прилетели.

Оставшиеся специалисты молча смотрели на это представление, а затем все засуетились. Кузин отпустил свой исправный самолёт, а остальным велел сворачивать все работы. В общем, дело уже к этому и шло: открытые лючки закрыты, а обшивка так и не доклеена. Клей на морозе никак не хотел клеить, он замерзал, а полотно вместе с клеем примерзало к обшивке. Вскоре воздушное судно взмыло в воздух и взяло курс на Мезень, где имелись нормальные условия для ремонта, подогреватель и человеческие условия для проживания.

На другой день Главный инженер управления делал разнос:

– Как вы могли на неисправном самолёте подняться в воздух?

Кузин, привыкший к таким вещам, спокойно отвечал:

– Поднялись и прилетели. Что тут такого? Победителей не судят.

– Почему разрешения не спросили?

– Спросить мы могли только запиской с пролетающей куропаткой. Другой связи там нет!

А в целом все были довольны, что в Губистой никто не остался. На сколько бы потом всё затянулось, неизвестно.

Полярная тундра, свидетель всего произошедшего, хранила своё безмолвие.

ГОЛОС ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

Речка Комша довольно узкая и мелкая. Это весной, когда река наполняется вешней водой от талого снега, она большая и грозная, бурливая и с быстрым течением, а сейчас, в августе, про такие речки говорят: «Курица перебредёт!» Река Комша впадает в другую реку, более широкую и глубокую, таёжную Ёжугу, по которой можно ездить и на моторной лодке. Вот туда-то Славка и уехал поискать малину. Собирался он, конечно, не туда, а просто за ягодами, но пока их искал, добрался на своём «ИЖаке» до Комши. Проехать туда не трудно, так как по левому берегу Ёжуги до самой реки Мезени тянется заливной луг, а по лугу извиляется наезженная дорога, по которой ездят сенокосные бригады, а потом по ней же вывозят сено. Дорога, конечно, не асфальт, но для мотоцикла вполне годится. Ягоды Славка нашёл недалеко от устья Комши, метрах в трёхстах. Он ползал по кустам, выискивая самые крупные и спелые, забираясь в самую гущу малинника.

Когда Славка огляделся по сторонам, то увидел, что с юга наплывает большая чёрная туча. Приближалась гроза. Туча возникла где-то далеко на горизонте, но приближалась очень быстро. Уходить от ягод не хотелось. Он решил продолжить своё занятие, прикинув, что даже мокрый он на своём «ИЖаке» быстро домчится до дому. Грозу можно переждать где-нибудь в укромном месте. Грозовой дождь – он не долгий, ливанёт хорошо, но потом быстро проходит. Такое в его недолгой жизни случалось не раз, что приходилось дождь где-нибудь переждать. Он даже присмотрел большой развесистый куст на самом берегу реки. Когда решение оказалось принято, он спокойно продолжил собирать малину.

Туча надвигалась. Природа замолкла, даже комары перестали пищать. Установилась какая-то гнетущая тишина. Со стороны тучи появился лёгкий ветерок, который крепчал с каждой минутой. Зашелестели, зашкрякали деревья. Ветер прошёлся по высокой, выросшей на некошеном лугу, траве, примял её, зашевелил, зашелестел малиновыми кустами и, пока приятно, освежил лицо. Славка прошёлся по лицу руками, отгоняя последних комаров. Упали первые тяжёлые и холодные капли дождя. Юноша быстро перебежал в присмотренное убежище. Слава знал, что под деревьями во время грозы прятаться нельзя, но ему очень уж не хотелось мокнуть, да и куст, под которым он прятался, намного ниже стоящих невдалеке деревьев – это сводило попадание молнии к минимуму.

Не успел он устроиться, как увидел, что сверху по реке спускается деревянная лодка с двумя мужскими фигурами. Мужики, не спеша, толкались деревянными шестами. Лодка довольно быстро продвигалась вперёд. Начавшийся дождь помешал им двигаться дальше. Лодка остановилась и, надо же такому случиться, как раз под берегом у куста, за которым прятался Славка. Из-за куста не видно, что делают пассажиры, но, надо полагать, они каким-то образом прятались от сырости. Вероятно, они знали, что устье речки находится совсем рядом, и не продолжили путь домой. Слышно было шевеление, кряхтение, возгласы: «Причаливай!», «Держись за куст!» и, наконец, всё стихло. Люди пережидали дождь каждый в своём укрытии.

– Наверно, скоро пройдёт! – раздался из-под берега возглас.

Славик обладал чувством юмора и оказался в нужное время и в нужном месте. Решив подшутить над мужиками, он громко сказал:

– Нет, не пройдёт!

Такого эффекта он не ожидал. Лодка стремительно отчалила от берега и понеслась вниз по реке. Шесты в руках мужиков замелькали с удвоенной частотой. Через несколько секунд лодка скрылась за поворотом.

Что подумали мужики – этого не знает никто и, наверно, никто не узнает.

А дождь вскоре прошёл. Гроза отгромычала и удалилась восвояси. Выглянуло солнце. Бродить по сырым кустам желания не возникало. Виновник испуга пассажиров лодки отправился домой.

ДЕМОКРАТИЧНЫЙ ПОДХОД

– Одни прохвосты, жулики и проходимцы! – жена никак не унималась.

Опять пришёл счёт, в этот раз за отопление. В какой-то мере она была права. Весь месяц батареи отопления чуть теплились. О тепле внутри квартиры не велось и речи. Сам Иван Иванович ходил по квартире, накинув на плечи пуховую шаль, которая хоть и не согревала, но и не пропускала к плечам холод извне.

Счёт и в самом деле пришёл астрономический. По той сумме, которая в нём была указана, можно обогреть целый квартал высотных домов. Куда уходят деньги квартиросъёмщиков, знали все, но методов борьбы с этим явлением никаких не имелось. В жилищно-эксплуатационную контору опять приняли двух бухгалтеров. Штат конторы и так непомерно велик, но время от времени он пополнялся новыми работниками. Всех надо содержать, отправлять в отпуск, выдавать премию. В котельной, которая отапливала жилой район, работало всего четыре оператора, но их заработная плата несравнима с высокими заработками конторских служащих. На оплату труда простых рабочих в конторе денег не находилось.

– Это натуральное мошенничество. Требуют платить за то, чем мы не пользовались! Тепла от них мы не видели, – продолжала жена.

– Дашенька, успокойся, они тебя не слышат.

– Тебе хорошо, ты квитанции не оплачиваешь, а я опять отдам ползарплаты, на что жить будем?

– Раньше жили и сейчас проживём.

– Но ведь они почти каждый месяц оплату увеличивают!

– Что делать, инфляция.

– У тебя на всё один ответ...

Дарья Степановна знала, что ни она, ни муж сделать ничего не могут. Счета как приходили, так и приходят. Они будут их каждый раз оплачивать, даже если батареи совсем остынут, и такое бывает! Это система и с этой системой воевать, всё равно, что с ветряными мельницами. Она оделась и пошла оплачивать счёт, а попутно в магазин. Придётся опять урезать скудный семейный паёк, чтобы денег хватило до аванса. Цены в магазинах растут, как на дрож-

жах. По телевизору опять трезвонят, что в скором времени повысят пенсию. Вот коммерсанты и пользуются случаем, увеличивают цены. Пока пенсию поднимут, цены опять станут недостижимыми.

– Степановна, привет! – окликнул её мужик неопределённого возраста, – не дожидаясь ответа, продолжил:

– Дай десять рублей до получки.

– Какая у тебя получка? Ты же не работаешь!

– Ну и что, дадут какие-нибудь бонусы.

– Ты что, банкир, чтобы тебе бонусы отваливали?

– Говорят, что скоро все богатыми станут. Банкиры же получают бонусы, не работая, вот, глядишь, и нам дадут.

– Нахватались импортных слов, язык сломать можно! Чем вам русский-то язык не нравится?

– Так, дашь или нет? Смотри, у кого-нибудь другого попрошу, потом жалеть будешь, что не дала мне займы!

– У тебя же, Фома, руки золотые, мог бы сам спокойно зарабатывать.

– Я-то могу, но на кого работать, если везде стараются обмануть, недоплатить, урезать, ужать и сэкономить?

– Ты слышал – в стране кризис. Чтобы ужать и сэкономить, нужна причина. Сейчас причина – кризис. Раньше тоже были причины: перестройка, ускорение, реформы. Я вот тоже не знаю, с каких шишов оплачивать счета за квартиру?

– Мне бы твои проблемы! Я давно не оплачиваю, и описывать у меня нечего. И ничего – живу. Вот только на опохмелку не всегда хватает. Дай, Степановна, десять рублей, как раз богатею, сразу отдам.

– Меня десять рублей всё равно не спасут, возьми.

– Я, Степановна, обязательно отдам! – обрадовавшись, воскликнул Фома.

Дарья Степановна и не сомневалась, что он отдаст. Фома мужик честный. Другой вопрос – когда? На это ответа не было ни у Фомы, ни у Дарьи Степановны.

– Спасибо, Степановна! – уже на ходу крикнул Фома.

Счёт она оплатила, но кассир сказала:

– С Вас ещё тридцать рублей.

– За что?

– За бланк квитанции, они у нас платные.

– Мне не нужна квитанция.

– А я не могу принять деньги без квитанции, меня уволят с работы.

Дарья Степановна спорить больше не стала, отдала тридцать рублей и пошла в магазин, на ходу размышляя, в чём себе сегодня отказать, так как в дневной бюджет она уже не укладывалась.

Только вышла из магазина, как встретила дочь, которая жила отдельно от родителей.

– Мама, как хорошо, что я тебя встретила! Выручай, срочно надо три тысячи, – сразу выложила Светлана радостную новость, от которой радость встречи как-то сразу померкла.

– Где же я их тебе возьму?

– Мама, очень надо, мы присмотрели для кухни кое-что по мелочи, а потом и этого не будет. Выручай!

– Что же муж-то тебе не одалживает?

– Да какие у него деньги! То, что приносит, едва на еду хватает.

– У нас осталось тоже только на питание. Только что «коммуналку» заплатила.

– Мама, кроме тебя мне взять не у кого, найди, пожалуйста, не много я и прошу.

Дарья Степановна отдала из кошелька последние две тысячи.

- Спасибо, мама, когда-нибудь верну!
- Это уж вряд ли, от вас мне денег не дожидаться.

Дочка довольная распрощалась и убежала.

Стало легко и радостно. Одалживать и покупать больше нет возможности. Надо идти домой и решать, как прожить полмесяца до аванса. Опять придётся питаться тем, что запасено в погреб, а на хлеб можно денег и занять, на хлеб немного надо.

- Ты мне «чекушку» принесла? – встретил её муж вопросом, – С получки полагается.
- Ваня, у нас денег не осталось совсем.
- Куда же ты все деньги дела?
- Попросила Света, я и отдала последние. Сами как-нибудь проживём.
- Вот всегда ты так, денег у тебя хватает только на один день.
- Ничего, Ванечка, как-нибудь протянем.

– Ты вообще-то права, сейчас в стране демократия. Захотим жить без денег половину месяца, никто нам не помешает – это называется демократичный подход. Всё, что не запрещено, разрешено. Нет такого закона, что надо обязательно иметь деньги. Тот же коммунизм, но только на основе демократии. Слышала, небось, что развивается предпринимательство. Вот мы с тобой и будем предпринимателями, проверим способ выживания без денег.

- Способ проверен уже до нас. Видел, как разрослось кладбище?

– Ну и что? У них не удалось, а мы назло всем выживем. Потом будут на нашем примере учить подрастающее поколение.

– Сходи-ка, Ваня, в погреб, принеси смородины и грибочков, попьём чайку, прихвати ещё банку с маленькими огурчиками. Может, придут сегодня внуки, они такие огурчики любят. Демократия, так демократия, гулять будем на всю катушку!

12.2009.

ДЕНЬ РОССИИ

Похмельное утро заявило о себе очнувшейся ото сна больной головой. Глаза ещё не открылись, а сознание мучительно настраивало организм к наступлению нового дня.

«Как хорошо, что не надо идти на работу!» – мысленно воскликнула просыпающаяся душа Василия Григорьевича, – «Всё-таки положительный момент от прошедших реформ есть! Освободили работу от нас грешных. Реформы уничтожили предприятие, а работникам предоставили полную свободу действий, значит, отдыхать можно столько, сколько пожелает душа!».

А ещё Василий Григорьевич, опустившись к делам земным и обыденным, подумал:

«Надо бы как-то поправить голову, что-то она совсем расхворалась!»

Он приоткрыл один глаз, чтобы обозреть окрестности и провести рекогносцировку прилегающей местности. Перед взором почему-то возник материализовавшийся образ проживающей с ним в одной квартире женщины, расхаживающей в ночной рубашке.

«Что-то душа у меня сегодня не очень настроена видеть «чудное мгновенье». Не уехать ли мне сегодня на рыбалку, чтобы отдохнуть и немного прийти в себя?»

Внезапно Василий Григорьевич вспомнил, что наступил с утра праздник: День России.

«Не зря я подумал про рыбалку! Вполне официально могу в праздничный день поправить свою голову. Это раньше в праздник люди ходили с флагами, с портретами, лозунгами, а теперь никому ни до кого нет дела, полная свобода! Хочешь, можешь поехать на рыбалку, а хочешь, празднуй дома в постели! Кто мне запретит праздновать? Никто – демократия!» – сам себе ответил Василий Григорьевич, – «Веду я себя культурно, с моста не падаю, как некоторые выпивохи, ни к кому не пристаю».

Утвердившись в своих мыслях, он полностью открыл опухшие ото сна глаза. «Чудное мгновенье» успело облачиться в домашний потёртый халат с огромными китайскими аляповатыми цветами по всей площади мощной фигуры.

«Такие цветы бывают только в сказках», – пришла нелепая мысль в голову Василия Григорьевича.

– Вера, а ты знаешь, что сегодня у нас праздник? – спросил жену Василий.

– А вчера разве у тебя был не праздник? Ты уже сам не замечаешь, что праздники теперь у нас стали появляться каждый день!

– А так оно и есть! Вчера был День Любителей Пива, позавчера День Бывших Совхозов, а ещё раньше День Ямочного Ремонта Дорог. Как же не отмечать праздники? Никто не поймёт. На Руси славяне праздники отмечают со времён её сотворения. А сегодня-то вообще великий праздник: День России! Разве мы не в России живём? В России, значит, мы со всем народом должны праздновать этот день!

– Я с утра у плиты праздную и тебе советую заняться каким-либо делом.

– Работать в праздник не разрешает наша религия!

– С каких это пор ты стал верующим?

– Я русские традиции соблюдаю, независимо от веры, принадлежности и семейного положения. Я даже партийные праздники соблюдаю. Партий ныне много, значит, и праздников много!

– Садись за стол, пей чай. Я уже попила. Самовар горячий, в нём ещё угли не остыли.

– Не за стол, а за «тэйбл» – ныне без знаний английского языка никуда, – но «тэйбл» не накрыт по-праздничному. Не буду же я говорить «ай лав ю», если у меня с утра нет здоровья!

– Обойдётся!

В дверь постучали. Проснувшаяся в приоткрытую дверь непричёсанная голова спросила:

– Василий, не желаешь ли ты сходить на рыбалку?

– Чего это ты, Федя, говоришь из дверей, не поздоровавшись и не поздравив нас с праздником? – спросила Вера.

– Я знаю, Вера, как ты прекрасна в гневе! Здравствуй! Я не застрахован от летающих сковородок! Да, и с праздником! А разве сегодня есть праздник?

– Сегодня День России!

– О, тогда я вхожу! В праздник сковородки и прочие неопознанные объекты не летают, – Фёдор смело перешагнул порог, – Ты, Вера, сегодня прекрасно выглядишь!

– Садись к столу, – пригласила Вера, клянуv на льстивый заезженный комплимент, – У нас на столе праздничный чай. Ты как раз поспел к чаю.

Фёдор, облаченный в повседневную невзрачную одежду, то ли рыбацкую, то ли рабочую, в фетровой шляпе на голове, присел с краю стола. Глаза его хотели что-то сказать. Они выразительно глядели на Василия, перескакивали на Веру, потом снова на Василия, но слова почему-то где-то, в самом нутре души, застряли, не решаясь вырваться наружу.

– Хорошая сегодня погода! – наконец проговорил Фёдор и, увидев, что Вера отвернулась, показал Василию из-под своей расстёгнутой куртки горлышко бутылки.

– Да, у меня от этой радостной вести, что погода хорошая, сразу поднялось настроение, – радостно воскликнул Василий, – Ты бы снял куртку. И в самом деле, попьём ради праздника чаю. Вера уже попила, а мы с тобой попьём сейчас!

– Пойду, немного приоденусь, – сказала Вера и вышла из кухни.

Василий мгновенно забрал у Фёдора бутылку.

– Иди к вешалке, сними куртку, – сказал он. Затем Василий открыл крышку самовара и вылил содержимое бутылки внутрь, не забыв, спрятать пустую бутылку за холодильник.

– Фёдор, я наливаю, мой руки и к столу. Я достану чего-нибудь закусить. Неприлично гостя угощать одним чаем! – громко сказал Василий и налил чаю в бокалы, поставив их на стол, а затем нарезал в тарелку ломтиками «Докторскую» колбасу и сыр.

Присоединившись в компанию за стол, Фёдор сказал:

– Отпиваю этот отменный чай за День России, – он вынужден был пить маленькими глотками, поскольку вошла Вера в джинсах и красивой кофте, начав хлопотать на кухне по хозяйству.

Василий демонстрировал жене то же самое, что и Фёдор, отпивая из кружки мелкими глотками. Выпив по кружке, мужчины тут же налили из краника по второй, не забыв кружками чокнуться.

– А ведь права жена, – сказал Василий, – Можно праздновать и так, за кружкой чая. Как ни крути, а она у меня всегда права! Не хватало ещё, чтобы в День России мы напились и ходили по деревне пьяными.

Мужчины опустошили очередные налитые кружки, тут же наполнив их из краника самовара снова.

– Вас и в самом деле потянуло на чай, – заметив их усердие, сказала Вера, – Я ведь могу и в магазин сходить, если вас так сильно мучает жажда.

– Нет, – сказал Василий, – С утра мы будем трезвыми, а вот на рыбалку нам с собой можешь чего-нибудь выделить. Рыбалка – дело серьёзное, надо соблюсти весь ритуал, иначе никакой рыбы не будет!

– Когда это ты приносил рыбу? – спросила подозрительно Вера.

– А разве не я принёс в прошлый раз дичь?

– Это рябчика-то что ли? Я, когда его оципала, осталось нечто, похожее на мышь.

– Нельзя так говорить про охотничьи трофеи – это был не какой-то там американский окорочок, а самая настоящая дичь! А её размер для охотника не так и важен. Так и рыба: её то нет, а в другой раз сразу озолотит!

– Не знаю, как Фёдора, а тебя ещё ни разу не озолотило!

– Слушай, – сказал не вступающий в диалог и молчавший Фёдор, – Что-то у нас из крафика самовара плохо льётся, наверно, всё кончилось. Ну, так я пойду собираться? – спросил он и добавил, – Спасибо за чай!

– Собирайся, я сейчас приду, – ответил Василий, – Поедем на лодке в избу, там, у избы, мы и будем ловить, – и он обратился к жене:

– Вера, ты нам обещала к празднику главную рыбацкую снасть. Так как? Нам ждать или идти?

– Куда от вас деться? У меня дома есть, припасено на всякий случай. Тебе бы я не дала, а Фёдора угощу. Человек пришёл в гости, а мы угощали его остывшим чаем! Нехорошо.

– Мы возьмём это с собой. Нам ещё ехать, будем за рулём, – сказал Василий.

– Не вместе же вы будете за рулём? Что-то ты сегодня выглядишь не с похмелья, а, как пьяный. Неужели вчера так перебрал?

– Это со вчерашнего, а у тебя никакой ко мне жалости. Рулим мы по очереди. А Фёдору жидкость сейчас даже вредна, он перепил чаю.

– Мне-то что, берите с собой. Всё равно рыбы от вас не дождаться!

На этом сборы были закончены.

А на следующее утро вся деревня обсуждала, как прошлым вечером в праздничный день Фёдор Рыбаков мирно спал посреди дороги в колее, наезженной машинами. Из одежды на нём почему-то были только одни трусы.

– Где рыба? – тем же утром спросила мужа Вера, – Вчера ты явился домой никакой!

Василию не хотелось отвечать. Он только хотел, чтобы его оставили в покое. Но голос жены, как молотом по наковальне в кузнице, долбил по разрозненным остаткам мозгов ритмично и, не переставая.

– Не клевало, – нехотя ответил Василий, – Оказывается, в праздники рыба не клюёт.

– Вы хоть от дома-то отъезжали?

– А как же? – сделал обиженный вид Василий, – Я всё снял на фотоаппарат. Возьми и посмотри. На снимках мы с Фёдором пьем чай в избе.

Жена недоверчиво стала разглядывать фотографии.

– Ваша изба выглядит, как хорошая квартира!

– Так и есть. Что мы, не люди что ли? – обиделся Василий.

– Теперь я понимаю, почему у вас не клевало?

– Почему?

– Вы забыли убрать со стенки домашний женский халат, который висит на гвозде за вашими спинами.

Василий недоверчиво глянул на снимок. «Вот это прокол!» – подумал он и сказал:

– Он там висит всегда – это не халат, а маскхалат.

– Вы что, от рыбы маскируетесь?

– Нет, только когда охотимся. Дичь домашней одежды не боится.

– Вы сидите вдвоём, а кто же тогда вас фотографировал? Не владелица ли халата, забывшая его одеть?

– Ну, ты, мать, даёшь! Разве женщины бывают так далеко от дома? Там были другие рыбаки. И хватит меня допрашивать! Что я, алкоголик какой, что ли? Всегда ты весь праздник испортишь! Как-никак был День России! А мы, как истинные патриоты, чтим русские традиции! Фотографировал нас, могу сказать, Филька Семушин.

– Это не тот, который утонул?

– Он самый.

С Филиппом приключилась в своё время целая история. Однажды пошёл он от избы к речке зачерпнуть воды в чайник, а его драгоценная соломенная шляпа, которой он очень

гордился и с ней не расставался, взяла и свалилась с головы в воду. В речке у самого берега глубина больше метра. Филька не рискнул прыгнуть в воду. «Ладно», – подумал он, – «Её всё равно прибуёт к кустам, попою чаю, схожу за лодкой и её выловлю». А шляпа, как он её потом не искал, исчезла бесследно, ни у ближайших кустов, ни ниже по течению её не было.

Через некоторое время шляпу нашли рыбаки. Тогда люди все и подумали, что Филька утонул. Без этой шляпы на голове его никто представить не мог. А поскольку Филипп пропадал на заимке неделями, его естественно никто и не видел. Объявился он без шляпы, когда его уже и искать в воде перестали. С тех пор он и стал утопленником.

– Лучше бы ты работал! – сказала Вера и отошла от мужа.

Больше Василия Григорьевича никто не допрашивал. Он лежал и мучительно вспоминал, какой сегодня день и, какой праздник может быть именно в этот день.

«Скорее бы, что ли, отменили реформы и с утра ходить, как раньше, на работу. Тяжело без работы, никакого здоровья не хватит!», – а ещё он подумал, что не будет больше на рыбалке фотографироваться.

ДЕРЕВЕНСКИЕ БУДНИ

– Я только до ларька и обратно, – сказала уже на пороге жена, захлопнув за собой дверь.

Ларёк недалеко, всего в ста пятидесяти метрах от дома, но дойти она не успела, встрети-лась Семёновна, которую она не видела со вчерашнего дня. Семёновна, обычно прохаживалась от безделья у своего дома, выгуливая себя и высматривая жертву для разговоров.

– Привет, Семёновна!

– Дравствуй, дорогая, дравствуй! Вижу собралась за покупками.

– Да, каки покупки! – воскликнула Пелагея Никандровна, – Соль кончилась да немного чеснока взять. Суп готовлю, а соли нет.

– Вот и я варю.

– У тебя, Семёновна, поди, проблем нет. Муж рыбы наловил.

– Да кака рыба! – воскликнула Галина Семёновна, – одни штрафы привозит. Вместо рыбы – квитанции об уплате штрафа. Как ни поедет, обязательно попадётся. Говорят, каки-то Архангельские «рыбники» понаехали с автоматами.

– Врут! Только Колаев, начальник-от рыбинспекции, дружков насадит, вот тебе и Архангельские! Вася Ляховский, пилот и его друг, с ним ездит, браконьерит. Никому житья не дают, только бутылки сшибают. Мой каждый раз бутылку просит, говорит – для «рыбников», а может, и сами выпивают, кто их знат.

– Петьку-то Лохова с рыбой поймали, уголовное дело завели, а некоторые откупаются. Юрка Маков с Урлыкиным просто забрасывают рыбину на ходу в лодку инспекторов и их никто не трогает, а ездят каждую ночь. Кому-то нельзя ловить, а кому-то законов нет.

В это время раздался вопль, слышимый, наверно, в другом конце улицы. Женщины обернулись, но не удивились, привыкшие к своим соседям и причудам деревенской улицы. Такие звуки подавал только один человек. По мостовой шёл сосед Володя Кошкин, как говорят: «навеселе». Он и издавал эти вопли, то ли пытался петь, то ли радовался своему состоянию. Этот человек, если не считать постоянных «праздников», был безобидным и никого не трогал, но, приняв дозу, старался громко заявить о себе, как дома, так и на улице. Работал он на ответственной работе, но физически ничего не делал, высмаливая одну за другой папиросы. Даже дочка однажды его спросила: «Папа, ты почему на работе ничего не делаешь, только куришь?» Он ответил: «Я курю и думаю».

– Опять нажрался. Как только выходной, так ходит на рогах, – Галина Семёновна смотрела на соседа, возвращавшегося с очередной гулянки.

– А что ещё ему делать? – сразу подключилась к новой теме Пелагея Никандровна, – По дому он не работает. Тяжелее папиросы никогда ничего не поднимал. Всю физическую работу выполняют у него жена: сама дрова колет, сама воду носит и даже моторы ему таскают, когда он выезжает на рыбалку. Она идёт к лодке с мотором, а он идёт сзади, несёт сумку с продуктами; всегда ссылается на больную спину, хотя медкомиссии на своей строгой работе проходит каждый год. Постоянно ездит отдыхать в санатории. Токо от чего отдыхать? Скорее всего от семьи, – сама себе ответила Пелагея Никандровна.

– Да-а, видно любовь, раз жена за него всю работу делает.

– Не знаю, какая любовь, но пока живут вместе. Жена иногда нам соседям жалуется, но так, чтобы муж ничего не знал.

Володька остановился, вычищая о траву ногу. Он наступил, не заметив, в то, что оставили после себя деревенские дворняжки. Любитель чистоты и порядка, он громко рассказывал всей улице всё, что знал о собаках и их хозяевах, особенно не вникая, слушают его или нет.

Собаки не заставили себя ждать. По переулку неслась целая свора с громким лаем. Впереди бежала сучка, выбирая только ей ведомую дорогу, а стая неслась за ней. Ближе к сучке находились огромные псы, а дальше те, что помельче, то ли ростом не вышли, то ли порода такая дворовая уродилась, но лаяли громче всех как раз те псы, что не вышли ростом.

Косясь на Володьку и на пробегающую свору, подошла к женщинам Фроська, которую соседи знали, как большую любительницу посплетничать.

– Что нового? – спросила она, обращаясь сразу ко всем.

– А что нового? Кто в магазин, а кто из магазина, вот и все новости, – ответила Пелагея Никандровна.

– Ты, Пелагея, опять в новом пальте.

– Какое новое? Я его уже лет десять ношу.

– А с виду, как новое, – не сдавалась Фроська, удручённая своим неудачным комплиментом, – В магазин у школы опять товар завезли, – добавила она, чтобы исправить возникшее недоразумение.

– Я утром была, не было свежего товара, – сказала Семёновна.

– Утром не было, а сейчас пришли баржи, их разгружают и сразу везут всё в магазин.

Кошкин, наконец, очистил ногу и направился дальше, окликая за сто метров, вынырнувшего из подъезда соседа. Не услышать его было трудно:

– Никола, пойдём выпьем, сегодня Вовка гуляет!

Видно было, что мужик всматривался в людей на дороге, потом нырнул обратно в подъезд – на таком расстоянии отвечать не имело смысла.

– О, наши поднялись в воздух! – увидев взлетающий самолёт, громко возвестил Вовка. Говорил он это сразу всем и никому в отдельности, надеясь, что с ним кто-нибудь заговорит и захочет пойти вместе с ним выпить. Видя, что никто на него не обращает внимания, Вовка засеменял к своему дому.

Фроська продолжила:

– А в центре арбузы дают, – подумав, добавила, – с нитратами.

– Ты-то откуль знаешь, что с нитратами?

– А где же ты видела в наше время арбузы без нитратов? – сразу взвинулась Фроська.

– Не все же арбузы с нитратами, – продолжала спорить Семёновна, – Есть, наверно, и без нитратов, только нам их не привозят.

– Ну, я пойду, – сказала Пелагея Никандровна.

– Подожди, расскажи лучше, живёт Вовка Слесаренко со своей или не живёт?

– А чего им не жить, живут.

– Говорят, они разводиться хотели?

– Да мало ли что говорят. Послушать, так уже всех развели и снова свели обратно.

– Ну, не скажи! – воскликнула Фроська, – Вон, молодые Голубцовы сразу после свадьбы развелись. Говорят, они и сходиться не хотели, родители заставили.

– А кто их знает! – воскликнула Пелагея Никандровна. – Видишь, идёт бородатый? Этот уже раз семь женат. Никак не может выбрать себе жёнку по душе, а они глупые всё равно к нему липнут, и не какие-нибудь, а молодяшки бестолковы.

– Потому и липнут, что глупые, – уверенно подытожила Фроська.

Бородатый, тем временем, поравнялся с соседками:

– Никандровна, дай двести рублей на пиво.

– Я же тебе два дня назад давала.

– Два дня назад я и пиво выпил, а теперь надо снова.

– Иди своей дорогой.

– Никандровна, нехорошо так делать. Ты же знаешь, что я всегда отдаю.

– Нет у меня денег.

– Фрося, дай полтинник.

– Я что, на тебя работаю? У тебя жён много, у них и спрашивай.

– Сейчас я холостой. Вот женюсь на тебе, тогда и спрашивать не буду.

– Чем же ты жениться будешь? У тебя давно стопроцентный износ!

– Это как сказать! Сейчас я тебя ещё не полюбил, а дашь займы, может и полюблю.

– Иди своей дорогой, не мешай женщинам.

Галина Семёновна, не вступавшая в разговор, начала зевать. Ей стало скучно оттого, что внимание уделяли не ей, а постороннему человеку. Она, привыкшая общаться с мужчинами, причём не имело значения, женатые они или холостые, привыкла к вниманию к своей персоне, а сейчас этот бородатый отвлек от неё всё внимание.

Бородатый не сдавался:

– Гляди, как я вам помешал! Наверно уже всё обсудили: кто женился, кто развёлся, а кто умер, царство ему небесное.

– Тебя-то, небось, не уколотишь, никак копыта не откинешь, попрошайка!

– Но-но, только без оскорблений, я никого не оскорбил, а попросил денег, так займы и вежливо, даже жениться предлагаю.

– Иди же ты, наконец, стонота!

Мужик ушёл. Галина Семёновна тут же перевела разговор в нужное русло.

– Вон Дашка Чувихина развелась с мужем, а теперь по ночам водит к себе мужиков.

– Ты-то откуда всё знаешь? – спросила Пелагея Никандровна.

– Есть соседи, которые всё знают. По ночам диван скрипит, а ребёнок каждую ночь падает на пол, а потом ревёт. А утром в пять часов, как по расписанию, ночные гости из подъезда выскакивают. Того не понимает, что соседи в это время уже встают и всё видят.

– Молодая, вот и бесится!

– Это, конечно, её дело, если бы не страдал ребёнок. А так, что из него вырастет, при такой-то мамаше?

Ответить никто не успел. Лошадка, погоняемая возчиком, лениво бежала по дороге.

– Эй, бабы, навоз не нужен?

– А на кой он нам твой навоз?

– Огород удобрять. Берите, пока я добрый.

– Мне нужен, – вдруг всполошилась Пелагея Никандровна, – Высыпай вон к тому огороду, только с другой стороны.

– Вот это по-нашему, – сказал мужик, – Сразу видно – хозяйственная женщина.

Он, удаляясь на лошади, ещё что-то бурчал, но его уже не было слышно.

Семёновна продолжила:

– Бабы молоды, вот и бесятся. Теперь им многое дозволено. Лес валить не нать, сено заготавливать тоже. Куды девать свою молодую энергию? Вот и тратят её на мужиков, не стесняясь. Стыда у нынешней молодёжи нет.

– Ты, Семёновна, себя-то молодую вспомни. Забыла, как за парнями увивалась?

– Мы-то други были: гуляли, но и работали от зари до зари, и детей воспитывали.

– Может, и не гуляла совсем? – подковырнула Пелагея Никандровна.

– Я же тебе говорю: у нас было всё по-другому.

– По-другому – это как? Может, дети сами зарождались и появлялись на свет, а мы никак и не участвовали?

– Мы гуляли, но и дело не забывали, работали от зари до зари.

– По-другому детей не делают, – подытожила Фроська, – У всех всё одинаково, только одни живут семьёй, а другие подбирают, что плохо лежит.

– Хозяйка, я вывалил, расчёт бы нужен, – снова подъехал мужик на лошади.

Пелагея Никандровна вытащила кошелек и рассчиталась с извозчиком.

– В магазин мне уже не надо, денег всё равно не осталось, – сказала она, – Ну ладно, бабоньки, я пойду за деньгами, да и дома меня наверно утеряти.

Она, больше не задерживаясь, повернула к своему дому и пошла, не дожидаясь ответа. Собачья свора бежала навстречу. Пелагея Никандровна знала, что собаки её не тронут, но всё равно было боязно. Она жалась к краю дороги, уступая своре всю свободную часть. В её голове уже роились совсем другие мысли: о недоваренном супе, семье, навозе, приближающемся обеде. Свою зарядку от беседы она получила и окунулась с головой снова в хозяйственные проблемы, мелкие домашние дела, которые никогда не кончаются и которые повторяются изо дня в день с завидной регулярностью.

02-03.2010.

ДВА ДНЯ ИЗ ЖИЗНИ МАТЁРЫ

Можно сказать, что машина остолбенела: ехали-ехали себе, не доехали всего каких-то триста метров и на тебе – встречают! Поэтому машина и встала, как вкопанная. Справа стоял Сергей и что-то говорил, не дожидаясь, когда в машине откроется окно, а слева, между забором и машиной стояли две женщины в обычной дачной одежде с орудиями труда в руках, приветливо улыбаясь. Водитель открыл дверцу. Говорили все разом: продолжал говорить Сергей справа, а слева говорили женщины и водитель, поскольку тоже сидел слева.

– Володя, ты почему сегодня один? – спросила одна из женщин водителя.

– Я не один, все места в машине заняты, а Наталья сегодня на работе.

После всех приветствий и дежурных вопросов, машина, наконец, поехала дальше, до затейливо разрисованной дачи, стоявшей на самом пригорке. Этот дом виден с любого места Матёры. Остальные дома жили большим сообществом, теснясь и кучкуясь, а дача Володи стояла обособленно, несколько в стороне, за небольшим полем. Правда, и за его дачей находилось несколько домов, но они стояли за заросшим оврагом и скрывались за редкими деревьями, через которые едва просматривались причудливые крыши и стены. А если учесть, что календарная весна заканчивалась, то понятно, что из-за распутившихся листьев на деревьях, почти совсем ничего не было видно. Через некоторое время маячивший по хозяйству Сергей тоже исчез, и деревня казалась вымершей.

Надо сказать, что баня, принадлежащая одной из дач за оврагом, стояла вплотную к деревянному забору Володиной дачи. Как она туда прилепилась на таком удалении от родного порога, стоит только догадываться. Таковы причуды местных архитекторов, решивших построить баню у чужого забора.

Две девочки примерно одного возраста, одиннадцати лет, по приезду сразу выскочили из машины и скрылись в потаённых уголках дома. Ещё бы, половину дороги они спали, а теперь, выспавшись, спешили растратить свою накопившуюся энергию!

Взрослые: хозяин дачи и Николай, сразу принялись за работу, которой не было видно ни конца, ни края.

Вскоре появились две женщины с маленьким ребёнком. Они материализовались из зарослей оврага и гуляли вокруг забора, не решаясь или стесняясь зайти вовнутрь, искоса поглядывая на приехавших соседей. Вскоре им надоело мерять шагами землю вокруг забора, они удалились на почтительное расстояние, а потом и вовсе скрылись в тех же зарослях у оврага.

Девочки, Маша и Алина, нагулявшись и поужинав, полезли на чердак в свою маленькую комнатку готовить постель для ночлега и укладываться спать. На самом деле они только делали вид, что соблюдают режим, а сами, когда остались наедине, уткнулись в компьютер и стали смотреть мультики, болтая без умолку и делясь эпизодами своей нелёгкой девчоночьей жизни.

Николай и Володя после работы уселись пить чай, не забывая пропускать между стаканами чая по стопке с устатку.

Матёра жила своей вечерней жизнью. Дачники прятались в огороженных дачах, занимаясь накопившимися за рабочую неделю хозяйственными делами, а кто жил здесь постоянно, у тех дел было ещё больше, так как они не копились, а возникали просто из ниоткуда.

Николай рассказывал:

– Было это ещё в годы строительства коммунизма. Наше авиационное предприятие работало, как челнок в огромной машине. Мы тоже не ленились и трудились от зари до зари, но иногда и отдыхали. Как раз подходила пора весенней охоты и все подгадывали получить накопленные отгулы в нужное время. А тут ещё с управления позвонили и сообщили, что намечается инспекторская проверка, но намекнули, что едут только охотники. Отгулы нам дали, как будто начальство только и ждало, чтобы их выдать.

– Только готовьте транспорт и везите начальников куда-нибудь подальше, чтобы тут не путались под ногами, – сказал наш непосредственный начальник.

Подготовка много времени не заняла. Остался не решён только один вопрос: сколько брать водки? Посоветовавшись с приехавшим начальством, решили, что пол ящика вполне хватит. Сильно пьющих людей не было, а для открытия охоты вполне хватало. Всего набралось пять человек: двое проверяющих и три местных. Решили ехать на двух лодках, во-первых, более безопасно, а во-вторых, набиралось немало имущества, включая тяжёлые боеприпасы.

На реке только-только прошёл ледоход. Лёд по-прежнему плыл не очень густой, но, временами огромными белыми полями. Были и заторы, но никто не мог сказать, где они есть и сколько их на пути.

– Мы, с моим тёзкой, водители опытные, – продолжал Николай, – Поэтому вопросов по поездке до пункта назначения не возникало. При хороших условиях до места всего час езды. Мы проехали, огибая льдины, ненамного дольше. Пока располагались, топили печь, грели чай, накрывали стол, наступил вечер, а с ним всё вокруг накрыл туман, да такой густой, что в пяти шагах ничего не было видно.

Всем стало понятно, что открытие охоты откладывается на неопределённое время. Застолье получилось неторопливым, основательным и с долгими разговорами о разных случаях на охоте и на рыбалке. С хорошей закуской водка шла очень даже неплохо. В самый разгар пиршества услышали звук мотора.

– Кого это чёрт несёт в такой туман? – спросил сам себя мой тёзка.

Всем было понятно, что без ориентиров, в таком густом тумане мог ехать только самоубийца. Лодка подошла к берегу точно у избы. Из неё вышел довольно пьяненький мужичок, обитатель деревни, которая располагалась на другом берегу, примерно в километре. Проехать напрямик никак нельзя, на пути располагались речные острова, полузатопленные вешней

водой. Мы только диву давались, как он в таком состоянии и в тумане их объехал и приехал точно к избе!

Мы-то считали себя совершенно трезвыми, хотя, если рассудить, со стороны мы могли выглядеть тоже пьяными.

– Пить будешь? – сразу спросил я.

– А чего, буду, – он не задумался ни на секунду, а мы в это время подумали, что места в избе всем хватит.

После второй стопки мужик вышел, а затем мы услышали, как завёлся мотор, и лодка отъехала. Через минуту его мотор заглох где-то в тумане.

– Надо мужика выручать, – проговорил я и вышел из избы. Следом вышли все на кромку берега.

Я занёс якорь, приготовил вёсла и начал готовить мотор к запуску. Мне был нужен напарник, но таковой не объявился. Мужики только посетовали, что ехать в туман было бессмысленно. Я завёл мотор и оттолкнулся от берега. По кромке береговой линии взял направление в сторону заглохшего мотора. Его я увидел. Лодка начала вырисовываться из тумана, но в это время и у меня заглох мотор, что явилось полной неожиданностью. Какие-то секунды наши лодки плыли вниз по течению к приближающемуся затору – это было понятно по усиливающемуся шуму воды, а потом мужик завёл свой мотор и опять скрылся в тумане, даже не попытавшись, ко мне приблизиться.

Мне повезло в том, что неисправность я нашёл очень быстро. Оказалось, что закончился в баке бензин. Буквально за секунду я переткнул баки, подумав, что горячий мотор будет завести не просто. Мотор, вопреки моим мыслям, завёлся сразу. Я быстро включил скорость и развернул лодку от грозно шумящего затора в туман, вверх по течению. Избу я обнаружил быстро и причалил к берегу.

Николай замолк, а Володя сказал:

– Хорошо, что всё так закончилось.

– Я не мог бросить мужика в беде, тем более, что мы сами ему наливали водку. Как бы он управился в заторе, ещё неизвестно, а так совесть у меня была чиста. А то, что он меня не выручил, так это уже ко мне не относится.

– А потом-то вы охотились? – спросил Володя.

– Потом охотились, а пока стоял туман пили водку. Туман развеялся только на второй день к обеду. У нас как раз запасы «горючки» стали кончаться. Когда выглянуло солнышко, мы переехали на середину реки, и высадились на большой остров, примерно, полкилометра на километр. Кое-где топорщились кусты, а так, в основном, остров – чистый луг. Мужики сразу же разбрелись по острову, а я решил, что рыбы я наловлю быстрее, чем настреляю гусей и поехал вокруг острова искать место для сетки, которая была взята с собой. Место без течения я не сразу, но нашёл. Один поставил сетку и только после этого взял в руки ружьё. Через один час я поехал посмотреть, как стоит сетка и заодно оттрясти мусор. В сетке сидела приличная щука. Так я и ездил смотреть через каждый час и за семь часов выловил семь щук. А к обеду у нас пара щук уже была. Кроме меня за обедом никто ничем не похвастал. Гуси летали, но как-то вяло и высоко. После обеда опять все разбрелись, договорившись собраться часа через три на вечерний чай.

Когда подошло время, собралось только четыре человека. Не пришёл один наш местный товарищ, которого звали Володей. Сначала мы ему покричали, немного поискали, но потом, не на шутку испугавшись, забыв про чай, пошли шеренгой прочёсывать остров. Результатов не появилось никаких. Посовещавшись, мы решили, что искали плохо и пошли искать снова, заглядывая под каждый куст, кромку берега и в лужи, надеясь найти хоть что-нибудь. Его нигде не было. Вдоль берегов неслась грязно-серая вода с весенним мусором и льдинами. Снова искать его было негде. Как и куда он мог пропасть, мы не имели никакого представления.

Настроение пропало, даже хмель весь выветрился. Уехать он мог, но на моей лодке, а лодка стояла на месте.

Мы совещались, обсуждая, как будем прочёсывать остров в третий раз. Послышался звук мотора. Звук постепенно приближался. Через некоторое время из-за кустов выехала лодка, которая направлялась прямо к нам. Из лодки выскочил наш потерявшийся охотник с широченной улыбкой, держа за пазухами, как дрова, бутылки с водкой. Он весь сиял от счастья. Если бывают счастливые люди, то в тот момент весь его вид говорил о том, что самый счастливый он. Мы же в это время готовы были прямо тут его расстрелять. На водку никто даже не взглянул.

Когда страсти улеглись, он пояснил, что хотел проявить заботу, поскольку водка кончилась. Он махнул проезжавшей мимо лодке. Захватив пару щук, он прыгнул к мужикам внутрь судна, и все поехали в деревню, где состоялся равноценный обмен. Щука в то весеннее время считалась дефицитом и стоила дорого, а водка дёшево. Обратного его привезли те же мужики.

Мы опять сидели всей компанией за чаем и по очереди воспитывали своего непутёвого товарища. А всего-то надо было сказать, что поехал! Он со всеми соглашался и во всём раскаивался.

– Вот был такой случай. На следующий день мы выехали обратно, – Николай умолк.

– Сколько же вы выпили? – спросил Володя.

– Мы потом посчитали. Оказалось, что двадцать восемь бутылок водки на пятерых. Водка в то время продавалась хорошая, не палёная, а организмы молодые и крепкие.

– Давай ложиться спать. С утра будем работать.

– Давай!

Над Матёрой нависли летние сумерки, которые и сумерками из-за белых ночей назвать никак нельзя.

Утром Николай с Володей работали, завершая незавершённые дела, которых становилось не меньше, а больше. Дети, проспав почти до обеда, резвились на улице. Соседки, живущие за оврагом, опять меряли шагами землю вдоль забора, прогуливая маленького ребёнка.

Наступил хороший майский солнечный день. По широко разлившейся Северной Двине изредка проходили труженики-теплоходы, толкая перед собой груженные лесом сверх всякой меры баржи, палубы которых оказывались погружены в речную пучину выше ватерлинии. На острове, что виднелся напротив Матёры, что-то горело, чадя чёрным дымом. Возможно, жители сжигали мусор, прошлогоднюю траву и всякий хлам.

Володя в куче накопившегося хлама тоже распалил огромный костёр, нестерпимый жар которого доставал Николая, оставленного следить за этим костром, чтобы случайная искра не попала куда-нибудь в сторону.

Наталья с подругой Алёной приехали, когда баня была уже истоплена. Старая теплица в огороде исчезла, освободив обширное пространство. С другой стороны, она никак не украшала фасад здания и, превратившаяся в мусор, сгорела с другим хламом в огне.

В послеобеденное время все по очереди наслаждались лёгким паром, смывая усталость и отдыхая от дел и забот.

Перед фасадом дачи за полем стояла новейшая дача какого-то мелкого прокурора, который всё время разглядывал территорию огромного зелёного поля, вынашивая мысль отхватить от этого поля хотя бы «кусочек», что впоследствии он и сделал, поставив столбики чуть дальше выделенной территории. Но, к его глубокому огорчению, затея эта не прошла незамеченной. Приехал «землемер» и выписал предписание освободить незаконно занятую территорию, хотя прокурор утверждал, что по спутниковой карте, он ничего не нарушил.

Надо сказать, что этот зелёный лужок являлся яблоком раздора. С одной стороны, пустовал огромный клочок земли, а, с другой стороны, эти земли числились сельскохозяйственными угодьями и не могли быть заняты для других целей. Через некоторое время каким-то чудом

местный предприниматель получил это поле под застройку, отчего опять возникла волна возмущения от ближайших к полю соседей.

Последним из бани вышел Николай. К этому времени согретый самовар, сверкая боками, ждал всех к чаепитию, пофыркивая паром и самодовольно урча. Этот пузатый хозяин стола знал, что без него после бани никак не обойдутся и пригласят к столу.

Вечернее солнце через стёкла веранды, где уселись за стол чаёвники, отражалось на стенах, на посуде, отчего внутри помещения было светло и уютно.

Когда заговорили о рыбалке, раздумываясь Алёна сказала:

– На зорьке я пойду удить рыбу.

– Ты что, рыбак? – спросил Николай.

– Да, я люблю удить рыбу. В деревне я с детства хожу на речку и закидываю удочку.

– И рыбу приносишь? – опять спросил Николай.

– Приношу, – просто ответила Алёна, – Не всегда улов большой, но на уху наловить могу.

– Ловлю на слове, будем ждать рыбу.

Рыбалка не получилась. Всю зорьку просидели за чаем, а потом как-то незаметно все улеглись спать.

Зато утром, когда Николай с Володей занимались мелкими делами, а хозяйка возилась на огороде, Алёна незаметно исчезла и скрылась под крутым берегом. Готовились к отъезду, поэтому времени у рыбака оказалось немного. К всеобщему удивлению Алёна вскоре появилась с уловом. Рыбы на маленькую уху вполне хватало. Женщина, как настоящий рыбак, делала вид, что для неё это обыденное дело, хотя весь её внешний вид говорил, что уловом она очень довольна.

Вскоре весь дачный коллектив опять сидел в машине.

Проезжая вплотную к знакомому забору, опять остановились. По ту сторону забора шумной компанией обосновались женщины. По их весёлым лицам заметно, что отмечали они праздник выходного дня с раннего утра.

Машина выехала за околицу посёлка, а потом и вовсе деревня скрылась за лесным массивом, густо разросшимся по обе стороны просёлочной дороги, выходящей через пару километров на шумную трассу.

ДЯТЕЛ

– С такими знаниями Вы больше ко мне не приходите! – это прозвучало, как приговор.

Учительница немецкого языка имела в университете только одна. Остальные учителя преподавали английский язык, их имелось много и всегда присутствовала возможность выбрать преподавателя по душе. А тем, кто в школе изучал немецкий язык, в этом плане сильно не повезло: учительница была одна и, волей-неволей, все приходили именно к ней. Дама имела солидный возраст, судя по характеру, с семейными проблемами, ярко раскрашенная и строгая, даже по внешнему виду. Просто так неподготовленному по предмету слушателю подступиться к ней было очень сложно. На посторонние разговоры она не отвлекалась, на компромиссы не шла и спрашивала только то, что было положено по предмету.

Влад, молодой студент, учащийся пока на первом курсе, в школе изучал немецкий язык. В восьмом классе он знал только буквы да несколько слов, а потом, сказав уже в другой школе, что иностранный язык не изучал из-за отсутствия в школе учительницы, ходил на занятия только слушать, а иногда и совсем не ходил. Его никогда по предмету не спрашивали, поставив по окончании школы в аттестате прочерк.

А вот высшее образование предстояло получать с обязательным иностранным языком. Влад опять выбрал немецкий язык, сообразив, что, хотя бы буквы не надо изучать заново, но заочно дальше букв дело не шло совсем. Он поручил выполнение контрольных работ местной учительнице, и вот теперь пришла расплата.

В университете учительница немецкого языка обратила на него пристальное внимание, после чего он выучил три тетради контрольных работ наизусть, кое-как их защитил, а потом пришло время зачёта.

Влад что-то мямлил, пытался говорить на смеси русского и немецкого языков, но даже сам видел, что идёт ко дну. Спасательный круг протянуть никто не мог, вот и прозвучал этот приговор. Зачёт он всё же получил, но дальше просвета не было.

«А я и не приду!» – ответил он учительнице мысленно. Влад знал, что на следующий кус он переведётся в один из институтов в другом городе, а там можно начинать всё сначала.

Ещё серьёзней обстояло дело у Юрия Скамейкина по прозвищу «Дятел». Прозвище ему дали за употребление слова «Долбит». Он его вставлял к месту и не к месту: преподаватель – долбит, экзаменатор – долбит, сосед – долбит, не говоря уж о сексе. Когда речь об этом заходила, это слово вставлялось через раз. Дятлом его называли все студенты. У него с этой птицей имелось много схожего – Юра мог по несколько раз долбить одну фразу, пока она не доходила до слушателей.

Он иностранный язык знал в пределах алфавита. Зачёт сдавал этой же преподавательнице и с тем же успехом. Просто к нему отношение учительницы выглядело несколько лучше, так как выполненные дома работы не вызвали подозрений. Напутствие он получил точно такое же – не приходите на экзамен без знаний языка.

Друзья по несчастью отложили думы об иностранном языке до осени. В другом городе и в другом институте жизнь надо начинать по-другому, поэтому и думать не хотелось об оставленном «хвосте», надеясь, что его как-нибудь «свалют», не такие науки «сваливали» и ничего: в памяти наук не осталось, но оценки в зачётке есть!

Осенью Влад сессию начал с поисков жилья. После долгих и упорных трудов он нашёл квартиру с хозяйкой, которой он сразу понравился, и они договорились обо всех условиях. Влад договаривался за двоих: Генка, однокашник, должен был подъехать. Однокомнатная квартира мало подходила для жизни в одной комнате женщины и двух мужчин, но других вариантов пока не имелось – этот вариант всех устраивал. Хозяйке, не молодой уже женщине,

к тому же инвалиду, требовались деньги на жильё, а ребят вполне устраивало то, что ночевать придётся не на улице или вокзале, а при четырёх стенах, в квартире.

Инна Матвеевна, так звали хозяйку, получала пенсию по инвалидности и была нетрудоспособна из-за вывихнутой руки. Умом она не блистала, ограничивалась скудным запасом слов, но хорошо могла обсуждать любовников и городскую столичную жизнь, чётко распределяя, кому надо отправляться в дурдом, кому работать, а кто мог годиться ей в любовники. Сама она выглядела чуть краше паровоза, квадратного телосложения с короткими руками, ходила в потёртой домашней одежде, жила в столице, но столичную жизнь видела в основном из окон своей «хрущёвки»; любила выпить и очень любила комплименты в свой адрес, на которые новые квартиранты не скупилась, чтобы наладить с хозяйкой контакт.

В первые же дни Влад с Дятлом, который жил у родственников, пошли на поиски преподавателя немецкого языка. Их оказалось много, все они были женщинами среднего возраста, симпатичные на вид, но кого именно выбрать, чтобы не ошибиться, ребята определить не могли. Помог им в этом старый испытанный способ. Они пошли к «старичкам», тем, кто здесь учился и давно имеет аттестацию по немецкому языку. Вскоре жертва определилась – ей оказалась симпатичная белокурая женщина, которая студентов на экзаменах не заваливала и относилась лояльно. Ребята издали за ней понаблюдали, выбрали подходящее время и подошли договориться о сдаче экзамена. Юлия Фёдоровна, так звали преподавателя, торговаться не стала.

– Пойдёмте со мной, я вам дам каждому по тексту и, если вы мне к утру тексты переведёте, завтра я приму экзамен, – сказала она.

Студенты получили тексты, которые пестрели немецкими буквами, поклялись к утру всё перевести. На самом же деле они не имели малейшего представления, как это сделают. Времени до утра оставалось немного, если учесть, что день клонился к вечеру, а маленькая стрелка часов замерла на цифре три. Посоветовавшись и прикинув свои скудные резервы, ребята решили искать объявления. Первое объявление нашли очень быстро на ближайшем столбе, но молодой человек, изучив текст, переводить отказался:

– Для меня текст непонятный, он изобилует специальными терминами, возможно, по вашему профилю. Мне все слова за короткий срок не осилить.

Второй специалист оказался более сговорчивым. Он попросил студентов погулять и к двадцати часам ночи подойти за результатом. Тексты он перевёл. Отдав почти половину своих «хлебных» денег, студенты с облегчением забрали тексты и поехали на метро по домам. Оставалось переписать всё своей рукой. Наступила ночь, на которую они и рассчитывали, чтобы завершить все дела.

Утром невыспавшиеся студенты были готовы к экзамену.

– Юра, цветы берём? – спросил Влад.

– На что же мы их будем брать?

– Сейчас вопрос не в том – на что? – а в том, удобно ли их приносить?

– Женщине цветы никогда не помешают. Ты же не взятку хочешь дать, а оказать простой знак внимания.

– Значит, берём. Я в цветах ничего не понимаю, выбирай ты.

Около метро они быстро нашли нужный товар. Дятел, не раздумывая, набрал букет цветов, за который они отдали недельный бюджет. С этим букетом они и пошли на экзамен. На экзамене их оказалось только двое. Вручив букет и выполненные задания Юле Фёдоровне, они получили снова по тексту для самостоятельного перевода. Как оказалось, пришлось снова трудиться. Влад, проявив смекалку, взял словарь и начал переводить каждое слово в отдельности. В итоге он получил набор русских слов, из которых после некоторых раздумий составил предложения. Получилось вполне сносно. Он сам порадовался своему успеху, но, обратив внимание на Дятла, он увидел, что тот сидит с чистым листом бумаги и ничего не делает.

– Переводи! – громко шепнул ему Влад.

– Не могу, – послышалось в ответ.

Влад понял, что товарищ тонет, но не просит и спасения, зная, что здесь только каждый сам за себя в ответе. Влад жестами и шёпотом стал ему объяснять, что надо переводить слова отдельно и записывать на листок. Преподаватель делала вид, что не замечает их переговоров.

– Ну, кто готов? – спросила она.

– Можно, я пока начну излагать своё творение? – спросил Влад, выручая тем самым товарища и давая ему возможность порыться в словаре.

– Хорошо. Домашний текст я Ваш посмотрела. В целом Вы с работой справились. Читайте и переводите контрольный текст.

На ломаном, близком к немецкому, языке с ужасным произношением Влад стал читать немецкие слова и, заглядывая в листок, переводить сказанное. Когда он закончил, просто получил тройку и всё. Даже самому стало противно, что столько положено на это трудов.

– Вы можете идти, – донеслось до его слуха.

– Я подожду товарища. Он не спал всю ночь, переводил текст и сейчас сидит невыспавшийся и уставший. Ему вдвойне трудно.

Краем глаза Влад увидел, что на листке что-то написано, но очень мало.

– Мы с ним разберёмся.

– Хорошо, но я его всё же подожду. Он переводит лучше меня, но ему надо время.

Юлия Фёдоровна поняла, что тут заговор. Она поставила Юре тройку, не читая его перевод, и отправила студентов на все четыре стороны.

Довольные друзья покинули аудиторию с чувством выполненного долга. Они сейчас имели высшее образование по иностранному языку – это запечатлено и подтверждено в их зачётках.

По неписаному закону после сдачи экзамена Влад зашёл в магазин и взял вина снять стресс и выкинуть из головы предыдущую науку – надо готовиться к следующей, а это требует проветривания мозгов. Хозяйка в этот раз оказалась очень приветлива и какая-то радостная.

– Ну, что, мальчики, как успехи?

– Сдали, – ответил Генка, который ничего не сдавал, но радовался успеху товарища.

Не ответить означало проявить невежливость, а отвечать длинно, значит, привлечь к себе и своему мероприятию хозяйку, что делать им совсем не хотелось. Вдвоём они быстро накрыли на кухне стол. Генка добавил:

– Мы пообедаем, сильно проголодались!

– Конечно, мальчики, пообедайте, я вам не мешаю.

Но хозяйку провести оказалось трудно. Почуввав присутствие вина, она вертелась рядом, находила какие-то дела, чтобы ходить на кухню и обратно. Выпили по полстакана вина, но разговор не клеился, мешало присутствие третьего лица.

– Ладно, Гена, налей ей немного, иначе не отстанет, – сказал Влад.

– Матвеевна, выпьешь за наш экзамен? – спросил Генка.

– Мальчики, я не хотела вам мешать, но за экзамен выпью, – она нарисовалась мгновенно, возникнув из ниоткуда, как будто только и ждала приглашения.

– Я тебе налью немного, во-первых, ты женщина, а, во-вторых, мы пить совсем не собираемся. Так что, выпивай и иди, отдыхай, мы будем готовиться после обеда к следующему экзамену. Во хмелю ты буйная, а нам нужна тишина.

– Хорошо, хорошо, – она была рада и этому.

Генка налил ей треть стакана, дал закусить.

– А можно я включу музыку? – неожиданно спросила она.

– Включи, только негромко.

Хозяйка ушла в комнату, включила радиолу. Наконец-то у студентов появилась возможность поговорить спокойно! Они прибрали стол, оставив немного закуски и сели за сопромат, отвлекаясь, время от времени, для продолжения трапезы, но это спокойствие продолжалось недолго. Хозяйка в соседней комнате пустилась в пляс, всё громче и громче притопывая ногой.

– Балка, закреплённая одним концом неподвижно..., – читал Влад.

– Ах, ты, сука! Ах, ты, б..., – доносилось из комнаты.

– Балка, закреплённая одним концом неподвижно...

– Ах, ты, сука! Ах, ты, б..., – хозяйка топала всё громче и напевала совсем неприличную строчку, неизвестно откуда взятую.

– Матвеевна, ты бы пела тише, мешаешь, – крикнул Генка.

– А вас давно пора в Кащинку! Не мешайте мне петь!

– Что такое Кащинка? – спросил Влад.

– Это, если не ошибаюсь, у них заведение для умалишённых. Она и предлагает нам отправиться туда.

– Скорее наоборот, хозяйка созрела для Кащинки с её песней.

– Нам пока остаётся помалкивать, мы здесь не хозяева.

– Ах, ты, сука! Ах, ты, б...! – хозяйка и не думала прекращать свою песню.

Балка, закреплённая одним концом, ушла куда-то на второй план. Вино в такой обстановке пить тоже не хотелось.

– Слушай, давай я её успокою, – предложил Генка.

– Как же ты её успокоишь? Спокойно ей станет только на том свете.

– Ладно, я пошёл.

Генка вышел в комнату. Послышался негромкий разговор, потом всё стихло, доносились какие-то шуршащие звуки, а потом скрип кровати.

Влад начал догадываться о происходящем. Хозяйка давно подбивала клинья, но не к Генке, а к нему, но сейчас, видно, ей было абсолютно всё равно, кто является её женихом в эту минуту.

Генка пришёл быстро.

– Всё, спит, – доложил он.

– Быстро же ты её усыпил!

– А я сразу понял, чего она добивается. Теперь мешать нам не будет.

Только сели за сопромат, раздался звонок в дверь. Пришёл Юра.

– А я думал вы отмечаете сдачу экзамена с вином и девочками.

– Мы и в самом деле отмечаем вином, а девочки нам надоели, – ответил Влад.

– А что, разве они есть?

Влад почему-то решил пошутить над Юркой, зная его способности не пропускать ни одной юбки. Почему он это сделал, Влад и сам не знал, но ответил:

– Конечно, есть! В другой комнате.

– Так чего же вы теряетесь?!

– Я тебе уже сказал: нам с Генкой девочка, которая лежит на кровати в соседней комнате, уже надоела.

– А мне-то не надоела! Можно, я с ней поговорю?

– Можно, но сначала сядь, выпей с нами.

Влад налил всем вина. Юрка выпил и сразу же вскочил.

– Так можно, я схожу?

– Теперь или.

Его сдуло, как ветром. Ребята едва сдерживали смех, зная, что сейчас Юрка увидит вместо девочки страшную пожилую женщину с квадратной фигурой.

Юрка обратно не выскочил. Слышались опять шуршание, ёрзанье и скрип кровати. Хозяйка оказалась довольна сегодня вдвойне. Юрка через некоторое время пришёл.

– Ребята, без обид, вы разрешили.

Влад продолжил розыгрыш:

Мы-то разрешили, но ты так быстро ушёл, что я не успел сказать – эта женщина серьёзно больна, поэтому мы её не трогаем. Да-да, ты понял правильно, больна этой самой болезнью.

То, что произошло, надо было видеть! У Юрки исчезло лицо. Оно мгновенно стало каким-то зелёным и до невозможности испуганным.

– Но, вы же сказали...

– Мы сказали всё правильно – она нам надоела. Дальше ты и слушать не стал. Мы и подумали, что ты специалист, сам всё знаешь. Разве она тебе ничего не сказала?

– Она меня обняла, но, молча и, похоже, просыпаться не захотела.

– Теперь у тебя есть повод для раздумья.

– Налейте мне вина.

– Генка налил ему почти полный стакан. Юра молча выпил, но сидел всё с таким же каменным лицом и не пьянел. Он смотрел куда-то сквозь пространство, занятый глубокой думой и ничего не замечал. Он не видел даже того, что друзья едва сдерживали смех, отворачивая лица. У них наконец-то поднялось настроение. Товарища было жалко, но они тянули время, не говоря ему правду и смотря на его страдания, втайне веселясь, довольные своей шуткой.

– Юра, тебе бы радоваться, свалил экзамен, перешёл на второй курс, а ты сидишь мрачный, как налим под корягой, – сказал Влад.

– Чему мне радоваться? Экзамен я бы всё равно додолбил, а сейчас вы меня совсем расстроили.

– Юра, а ты знаешь, что зараза к заразе не пристаёт? Если у тебя была какая-нибудь болезнь, другой болезнью ты заболеть не должен. Успокойся, может, это не смертельно. Никто не думал, что ты так сильно соскучился по девочкам.

– Могли бы меня и остановить!

– Ну, уж нет, экзамен тебе помогли свалить, вина налили, слишком много ты хочешь, чтобы за тебя всё делали! Ты сильно не переживай, болезнь сразу не проявляется, успеешь сдать сессию, а уедешь к жене, там и будешь лечиться, как примерный семьянин, не спеша и обстоятельно, в кругу семьи, можно сказать, с комфортом.

– Вам хорошо издеваться. Хороший будет комфорт!

– Семейный комфорт и уют.

В дверь позвонили. Пришли соседи, такие же студенты, жившие в смежной квартире. Стало шумно и тесно. Всех усадили за кухонный стол продолжать праздник.

– А у вас тут весело, только Юра какой-то грустный, – сказал Вася, шутник и балагур.

– Юра заболел, – сразу ответил Влад.

– Что-нибудь серьёзное?

– Очень серьёзно – это редкая болезнь. Вот у него и нет настроения.

От шума проснулась хозяйка и тоже пришла на кухню, растрёпанная и всклокоченная.

– Мальчики, вы шумно готовитесь, меня разбудили.

– Матвеевна, кто же днём спит? – спросил Генка, – Днём надо петь песни, – он попытался напомнить о недавнем её эстрадном выступлении, но она, похоже, уже ничего не помнила.

– Мальчики, у меня что-то во рту сухо, нет ли чего-нибудь запить?

Незамысловатый намёк был понятен без лишних слов. Генка плеснул ей немного вина в стакан.

– Ой, спасибо, а то у меня что-то аппетит разыгрался!

– Накормить мы тебя не можем, вари сама.

Она обвела взглядом всех и ушла в комнату.

– Мне приснилось, Владик, что ты спал со мной, – на ходу сообщила она.

Никто уточнять не стал. Просто всем стало весело, а Юра был всё такой же грустный.

– Юра, а ведь ты не болеешь! – сообщил Влад.

– Как это не болею? – Дятел не мог осмыслить произнесённую фразу.

– А так – не болеешь, мы пошутили.

– Ничего себе шуточки, вы меня чуть рассудка не лишили.

Матвеевна услышала последнюю фразу:

– А вас пора в Кашинку! – она опять пыталась петь и плясать.

– Весело тут у вас, – сказал Саня, – Нас в квартире трое, но тишина и покой.

Юра изрёк свою коронную фразу:

– Мы долбим сопромат, поэтому у нас весело. Сегодня додолбим, а завтра опять свалим, – он постепенно отходил от пережитого ужаса и даже пытался шутить, – Пожалуй я пойду в магазин, моя очередь, да и за помощь на экзамене надо рассчитаться.

Юра ушёл, а Влад рассказал Василию и Саньке, как они пошутили над Дятлом. Все долго смеялись.

– Влад, пойдём, потанцуем, – Матвеевна опять нарисовалась в дверном проёме, – А за этими сейчас приедут, их давно пора в Кашинку.

– Я, Матвеевна, не танцую. Ты бы шла, погуляла. У нас тут мужские разговоры и нам надо готовиться к экзамену.

– Я пойду к соседке, – было удивительно, но Инна Матвеевна безропотно подчинилась и пошла к выходу.

– Куда это вы хозяйку спровадили? – на пороге стоял Юра с пакетом в руках. Он не присутствовал и десяти минут, – Там какие-то тёмные личности раздают листовки, я одну взял, сейчас читаем.

Листовка возвещала о великом застое, приведшем к кризису власти и о новом дуновении времени в лице какого-то Ельцина, берущегося переустроить жизнь в Советском Союзе на западный манер со свержением и свободой личности, далее была его биография со списком передвижений по партийной лестнице на руководящих постах.

Ни о каком Ельцине студенты до сего времени не слышали, но смутные разговоры о переустройстве в стране упорно ходили. Возможно они были вызваны вот такими листовками.

– Ну, Юрка, ты всегда куда-нибудь встрянешь! – сказал Генка, – То болезни тебя преследуют, то политическое переустройство тоже без тебя не обходится.

– Разве я виноват, что они всех подряд долбят со своими листовками? Вот сменится власть, не надо будет сдавать экзамены. Хорошим людям сразу будут ставить зачёт, а остальных, как говорит Матвеевна, в Кашинку.

– Разлопятило! Кто же тебе будет просто так ставить зачёт? Если сменится власть, за каждый экзамен будешь платить деньги, а с семьёй придётся расстаться, так как семью тогда будет уже не прокормить.

– Это у тебя семья, а у меня пока её ещё нет.

– Вот именно: пока нет. С твоими способностями к погоне за юбками, она у тебя появится быстро, а кормить ты её не сможешь. Выбрось эту свою листовку и никому не показывай. Буржуи снова поднимают голову, нам с ними не по пути. Любое переустройство государства и власти ведёт к жертвам, а жертвами этими будем мы с тобой. Не надо надеяться, что нас этот Ельцин не затронет. Если будет новая власть, значит будут кровь, голод, разрушения, нищета. Любой претендент на власть стремится разрушить сначала старое. Самое интересное, из опыта прошлых поколений известно, что обязательно всё разрушат, а вот обещанные блага, если таковые будут, дождутся только наши внуки, если, конечно, дождутся. Доставай свой долг на стол и не забивай свою голову политикой.

– А я и не забиваю. Листовку принёс, чтобы показать, чем живёт народ, кто кого долбит.

– Наша задача с тобой – учиться. Овладевай знаниями, а политику как-нибудь и без нас сделают. Есть люди, которые живут тем, что умно рассуждают о переустройстве нашей жизни, о всемирном благе, учат всех, как надо жить, нас не спрашивая. Вот они пусть и занимаются политикой. В приобретении этих самых благ от них толку мало. Их удел работать языком.

– Этой долбёжки я уже наслушался. Каждый день долбят по радио и по телевизору о грядущем всеобщем благе и изобилии.

Молчавший Василий не выдержал:

– Давайте я лучше расскажу анекдот. Какой-то нудный у нас разговор о политике.

Пожалуй, в эту минуту облегчённо вздохнули все. Разговор действительно был тупиковый и бесполезный. Василий рассказал пару анекдотов из жизни. За столом стало опять весело и непринуждённо.

– Юра, тебе можно, имея высшее образование по иностранному языку, работать в разведке, – подковырнул Влад.

– Да, я теперь человек подкованный и образованный.

Все засмеялись. Творческий вечер близился к концу. Сопромат остался на стадии балки, закреплённой одним концом неподвижно. Вернулась хозяйка. Гости стали расходиться.

Уходя, Юра пожелал всем спокойной ночи и напутствовал:

– Вы сопромат больше сегодня не долбите, лучше отдохните, а завтра со свежей головой будем готовиться.

– Ладно, выздоровел, поэтому тоже отдыхай, набирайся сил, – не удержался от напутствия Влад.

Юра ушёл. Закончился обычный вечер в обычном большом городе. Маленький эпизод из жизни великих людей необъятной страны растворился в обыденной жизни. За окном стемнело. Дождь с мокрым снегом расплывался по оконному стеклу. За окном кипела столичная жизнь, в которой, как пылинка среди Млечного пути, затерялся Юра Скамейкин.

ДОМОЙ

Служба службой, а дембель всё же случился. Пётр Васильевич полностью отбыл положенный ему срок в армии и демобилизовался. Время послевоенное. Транспорт – только попутные машины да свои две, которые протопали за службу не одну тысячу километров. А добираться было далеко, на самый Крайний Север, на реку Мезень.

Дорогу он знал, да и как не знать деревенскому мужику дорогу по Тайболе? По этой дороге даже девки хаживали, скучкуются и идут отбывать трудовую повинность в город. Или, того хуже, калеками или беременными возвращались обратно домой той же самой Тайболой подчас без крошки хлеба в кармане и в одежках, которые едва прикрывали тело, не говоря, чтоб обогреться или укрыться от ветра и дождя.

Так и жил деревенский народ, оставшийся в трудное военное время в осиротевших деревнях.

До города Пётр Васильевич добрался без больших проблем. Имея все положенные документы, он смог неплохо устроиться в теплушке, идущей в нужном направлении. О еде он как-то даже и не беспокоился. Во-первых, умел так играть на гармошке, что угощения сами к нему попадали в рот, а, во-вторых, в свои три десятка лет Пётр Васильевич, которого просто звали Петькой, умел неплохо плотничать. Этому искусству он научился у отца, а тот, в свою очередь, перенял мастерство от деда. Так и передавалось из поколения в поколение ремесло.

А вот дальше в пути начинались проблемы. Дорогу он знал, но кто будет угощать в лесу? Играть там можно только медведям, которые в музыке понимают плохо, а вот человечинкой, он слышал, иногда баловались. До большого села Пинега шёл хороший лошадиный тракт. Топай, да топай! На пути есть больше десятка деревень, где можно кусок хлеба заработать, починив крыльцо или залатав крышу. В деревнях остались одни бабы, а мужики, если и были, то немощные или калеки. Такой мастер, как он, был на вес золота – хочешь, на гармошке сыграет, а хочешь, по хозяйству можно помочь. Знал Пётр Васильевич себе цену, поэтому сильно и не беспокоился. Одна напасть – не хотел он сильно в дороге задерживаться. Очень уж хотелось наконец-то попасть домой!

За Пинегой дорога отсутствовала вовсе. Имелся только зимник, по которому летом отваживались ходить немногие, но, при желании, он был вполне проходим. Дорога петляла между огромными топкими болотами, ныряла из перелеска в перелесок, а потом и вовсе шла вдоль таёжной Ёжуги до самой Нисогоры.

Настал день, когда Пинега осталась позади, а впереди тянулись только бескрайние нескончаемые болота, редкие перелески с полчищами гнуса да длинные километры петлявшей между деревьями таёжной дороги. Гармошку Пётр Васильевич приспособил за спиной, чтобы дать свободу рукам – кому она в лесу нужна? Разве что гармошка нужна самому себе, но играть себе как-то неинтересно. В правой руке он держал палку, которую приспособил вместо посоха. Не понаслышке Петька знал, что с палкой идти намного легче. Так и топал, меряя шагами вёрсты. Ох, и попили его кровушки насекомые! Отгонять их бесполезно, неперспективно тратить последние силы на отмахивание и обмахивание. Пётр Васильевич насекомых просто старался не замечать.

Идти стало легче, когда он добрался до притоков Ёжуги. Обонянием он не ощущал, но чувствовал, что запахло родной стороной, Мезенью, чем-то таким, до боли знакомым и привычным. Он даже нарушил свою дорожную традицию: на очередном привале снял гармошку и заиграл, как будто его могли услышать за десятки километров родные. Напившись из консервной банки чаю из брусничного листа, он снова отправился в путь. Дальше Пётр Васильевич знал все займки охотников и связистов, которые и были теми самыми вехами, обозначающими

очередной привал. Он опять играл, но теперь уже конкретным бородатым людям, тоскующим по живому человеку. А в очередной избе находился не связист, а связистка, которая, услышав звуки гармонии, его накормила, угостила бражкой и уложила спать рядом с собой. Не смотря, на усталость, Пётр Васильевич долго не спал, наслаждаясь запахом женского тела и теми ощущениями, которые он давно уже не испытывал.

Утром он здесь задержался дольше обычного, помогая наколоть дров с изрядным запасом и устраняя мелкие проблемы по дому, накопившиеся без мужских рук. А потом на столе оказался хороший обед из свежей ухи и мясистых хариусов, после которого опять потянуло на отдых.

Хозяйка не проронила ни слова, когда он вострился в дальнейшую дорогу. Пётр и не скрывал, что дома его ждут, и он пойдёт дальше в свой родной Мезенский уезд. Так и ушёл, оставив гостеприимную избу позади себя в тайге. Правда, на прощание вместо обычных и ненужных сейчас слов Пётр Васильевич растянул меха гармошки на всю катушку, вложив в тоскливые звуки мелодии всю свою душу.

Он чувствовал, что идти стало намного легче. Хороший отдых у гостеприимной хозяйки, бодрящая бражка встряхнули уставший организм и влили в него новые силы.

Так он и шёл, пока не показалась Большая Нисогора. Задерживаться он тут не стал, а сразу переправился на другой берег на подвернувшейся лодке с местным рыбаком. Старый дед только и успел спросить: кто он и откуда, как лодка уткнулась в песчаную отмель на противоположном берегу.

Деревня Кельчемгора раскинулась на правом берегу по сопкам отдельными хуторами. Она, как Змей Горыныч, владела одним туловищем, но с тремя головами, маленькими деревеньками, каждая из которых имела своё название. Тут и определил Пётр Васильевич место своего очередного привала. Выбрав дом с покосившимся крыльцом и упавшим пролётом забора, он постучал в дверь, предложив свои услуги плотника. Дома оказались только малые дети, которые и сообщили, что мамка находится на работе, а папка погиб на войне.

Пётр Васильевич, хоть и устал изрядно, нашёл в доме кое-какой инструмент и принялся за работу. К приходу хозяйки забор стоял прямо и ровно, а крыльцо белело свежеотёсанными плахами. Женщина, которую Пётр Васильевич сразу не заметил, стояла у калитки, не узнавая свой дом и не решаясь перешагнуть внутрь двора. Она боялась спугнуть видение, приняв незнакомца за вернувшегося погибшего мужа. Только через некоторое время она поняла, что в доме совсем посторонний человек.

Увидев её, Пётр Васильевич сказал:

- Дай, думаю, поправлю что-нибудь, пока хозяйки нет дома. Авось мой труд зачтётся.
- Труд зачтётся, только кормить тебя нечем. Дети сидят голодные целый день.
- А я не гордый, могу попить и кипятка. Надеюсь, вода в этом доме найдётся? А ещё я сыграю на гармошке. Вот тогда все про еду и забудут!
- Откуда ты такой весёлый взялся?
- С войны, хозяйюшка, а иду я домой. Переночевать пустишь, ночлег отработаю.
- Это как же ты отработывать собрался?
- А как хочешь, так и отработаю. Могу просто на гармошке играть, чтобы другим работалось веселее.
- Некому у нас работать. Война всех забрала. Остались одни бабы. Справного мужика с огнём не найти.
- Выходи за меня замуж, вот у тебя и будет мужик. Хочешь, поживу недельку, хочешь – две.
- Зачем же мне за тебя выходить, если ты всего две недели жить тут собрался?
- Поживёшь со мной – не пожалеешь!

– Посмотрим, а сейчас вот тебе полкартофелины за работу. Небось, устал с дороги? Не спрашиваю, кто ты и откуда, и так видно, что топаешь давно. Отдыхай с дороги, а у меня ещё домашние дела есть, детей спать уложу.

Остался Пётр Васильевич жить с Настёной. Детей куча. Он вместо няньки: то на гармошке поиграет, то пилит-строгает. Звали на работу – не пошёл, сказал, что в доме полно работы.

Жил так десять дней, пока не затосковал по родному дому. Всё было хорошо, только родительский дом стал по ночам снится. Крепился-крепился, да и собрался однажды опять в дорогу. Баба – реветь! Да разве удержишь мужика возле себя слезами! Ушёл Пётр Васильевич ранним утром дальше по тракту, поцеловав на прощание свою невенчанную жену. До дома рукой подать – всего каких-то сто километров осталось. Только шёл он эти километры до самых белых мух.

В каждой деревне находилась ему работа по специальности. Совсем некоторые дворы обветшали. Вот и ладил он крылечки, чинил крыши, ремонтировал полы, даже мебель делал. А уж как играл! Ни одна баба мимо не проходила. Как ни упирался, но пришлось по дороге ещё дважды жениться – это не считая тех, с кем спал ночь или всего часок. Оставил он тех баб беременными продолжать род особый мезенский. Лили они по нему слёзы, да что толку? Шёл солдат к себе домой.

Глубокой осенью глядел он с пригорка на свою родину, выискивая глазами родительский дом.

Вечером организовалось огромное застолье, на котором гуляло всё село. Остался Пётр Васильевич дома, женился, наделал детей. От недостатка работы не страдал: одной мебели переделал сколько, а ещё мелкий ремонт, строительство. Плотник на селе – первая профессия. И гармонь свою не забывал. Праздник какой или так созовут на именины – всегда приходил, ублажал народ.

Шли годы. Пётр Васильевич заматерел, хоть и был щупленький, как пацан. Строгал он детей так, что пацаны выскакивали один другого краше. Были и девки, но те не в счёт. Своё умение он мог передать только мужикам – так уж велось у них в роду. Стал Пётр Васильевич совсем домашним. Выпить любил, но голову никогда не терял. Жена приглядывала, чтобы дом с друзьями не покидал. А как проспится – опять за работу. Приспособил он в большом своём доме маленькую комнатку себе под мастерскую. Вот там и появлялись у него изумительные экземпляры мебели. Что ни закажут, с какими-нибудь выворотами, он обязательно всё исполнит.

Раз задумал у себя в доме сделать перегородку. Дело плёвое – закрыть досками пространство. Вот только гости заявили не вовремя. Приехал старший сын с друзьями. Гости в доме дело святое! Выложил он на стол деревенские угощения, а гости выставили привезённую с собой водку. Молодые пили и только краснели, а Пётр Васильевич угнаться за ними не мог, стал уставать. Поднимал вместе со всеми тосты, поднимал, да и заснул прямо за столом. Гости переложили его на диван, а сами продолжили торжество.

Поздним утром молодые ребята кое-как открывали опухшие глаза. Не хотелось, не только работать, а и подниматься, чтобы опохмелиться.

За стеной раздавался стук. Пошли посмотреть, кто это там колотиться «спозаранку»? Пётр Васильевич бодрый и весёлый продемонстрировал им свою работу. В сенях белела своей новизной деревянная перегородка. Сама по себе перегородка не ахти, какое сооружение, но удивила она тем, что щели между досками отсутствовали вовсе, а поверхность оказалась такая гладкая, как будто её полировали на специальном станке.

– Как же ты сумел так подогнать доски и когда это всё успел сделать? – только и вымолвил один из гостей.

На что Пётр Васильевич сказал:

– А я с утра не похмеляюсь, вот и сэкономил время. А пить вот уже, как все, не могу. Сморило меня вчера.

– Всех бы так смаривало, чтобы с утра была такая работа сделана! Остаётся только восхищаться и нам молодым брать пример!

В этот день пили мало. Ребята к вечеру уехали. Старший сын поехал в свою Амдерму, где после учёбы работал, зарабатывая северный стаж и отбывая положенные три года. Амдерма сама по себе хоть и не маленькая, но расположена в голой тундре, где всё время свищут ветра. Лето, хоть и жаркое, но очень короткое. Все товары, как продовольственные, так и промышленные доставлялись самолётом. В посёлке затеяна по его меркам огромная стройка: соорудили клуб. Делали его давно, но всё время чего-то не хватало, поэтому стройка превратилась в долгострой. А когда дело дошло до полов, и вовсе встала – не было ни материала, ни настоящего плотника.

– Будет вам плотник! – сказал однажды Александр, решившись вызвать к себе отца, – Только дорогу ему придётся оплатить.

– Оплатим все расходы, только найди плотника, – сказали местные чины.

Александр пригласил к себе отца погостить. А когда Пётр Васильевич приехал, не дав ему отдохнуть, сразу озадачил местной проблемой.

– Ты работай, – сказал Александр, – А кормёжку и выпивку тебе принесут прямо на работу. Если надо и девок найдём! У нас тут такие красавицы в малицах ходят!

Пётр Васильевич за короткое время практически в одиночку выполнил всю работу, а вдобавок ещё и лавки соорудил для просмотра кинофильмов. Клуб получился, что надо. За всё время, что работал, стопка никогда не была пустой, а употреблял уж он по своему усмотрению.

Так слава шла следом за мастером. А потом были другие селения и другие заказы. Разве все упомнишь! Только неизменными оставались гармошка, которую Пётр Васильевич сам когда-то изготовил, и мастерство. А жениться больше не приходилось, сам повзрослел, да и дети стали взрослыми, которых время от времени между командировками надо хоть изредка, но пересчитывать!

ЖАРА

– Эй, Иннокентий, ты держи хвост у кобылы, а не то ненароком хлестнёт тебя по лицу! – мужики, сидящие на берегу, издевались над неумелым возницей, подъехавшим на телеге к реке, чтобы напоить лошадь.

Рыжая лошадка, сморённая небывалой жарой и гнусом, облепившим не только её бока, но и всю большую лошадиную морду, мотала непрестанно головой, дёргала ногами и, как заведённая, хлестала по бокам хвостом. Спасения от гнуса не было, правда, у воды его было меньше. Лошадь сразу забрела в воду и стала жадно её пить, раздувая ритмично свои огромные бока.

– Киня, а сам чего не пьёшь? – снова раздался возглас.

– Вы маетесь бездельем, а я работаю.

– Хорошо работаешь, сидя на телеге. У тебя только лошадь работает.

Паром задерживался. Ребятишки, собравшись большой гурьбой, переправились на нём на другой, более мелкий берег. Их слабеньких, помноженных на количество рук, сил хватало, чтобы перетянуть по стальной проволоке старенький дощатый паром. Теперь они, раздевшись, резвились на другом берегу, а паром оттащили от берега. Самые смелые с него ныряли. Те, что не умели плавать, перебирались, держась за трос на паром и обратно. Это доставляло им большое удовольствие. На телегу, появившуюся на другом берегу, они не обращали никакого внимания.

– Ты бы хоть сам искупался что ли, в бане-то, поди, года два не был?

– Я чистый, в прошлом году купался на сенокосе.

– Тебе бы жениться, девки порато чистых любят, тогда бы не сам на телеге ездил, а жена, а тебе тогда только руководить и говорить, в какую сторону поворачивать.

– Подумаю и женюсь.

Иннокентий заматерел и имел солидный возраст, перевалило за тридцать, но женщины обходили его стороной. За спиной говорили: «У него не все дома», но прямо ему об этом никто не говорил, только подшучивали да подсмеивались.

– А девка-то у тебя на примете есть?

– А как же, все меня любят, только я сам пока не выбрал.

Солнце стояло почти вертикально над головой и, казалось, не собиралось клониться к горизонту. Ветер исчез, только стояла жара и донимал гнус, который от нагретого воздуха стал каким-то ленивым и не злым, просто донимал своим числом. От жужжащих кровососущих никакого спасения не существовало. Только ребятишки гнуса не замечали, озорничали и баловались на воде. Взрослых мужиков, сидящих на другом берегу, они не боялись. В их власти – вернуть паром или нет, но мужики знали, что, порезвившись, ребята приедут обратно и их не торопили.

– Ты больно долго выбираешь, состаришься и никому не нужен будешь.

– Я умный, сначала присмотрюсь.

– Зачем же тебе жена, может, без жены-то лучше?

– Не-е-е, жена нужна. Сами сказали: телегой управлять, а ещё надо в дом воду носить, печку топить.

– У всех есть дети, а ты-то их где возьмёшь?

– Сами заведутся.

– От сырости, что ли?

– Детей приносят из роддома, – с умным видом ответил Иннокентий.

Дети баловались. Человек десять находились между паромом и берегом, держась за стальную проволоку руками. Самые большие ребята тянули проволоку вниз, смеясь над тем, как у «мелкоты» не хватало длины рук, чтобы удержаться, не окунувшись с головой в воду. В какой-то момент часть ребят отцепилась и поплыла к берегу. Беда заключалась в том, что не все умели одинаково хорошо плавать. До песчаного спасительного берега всего-то около десяти метров! Шестиклассник Ваня, выпучив от страха глаза, молотил по воде руками, стараясь удержаться на поверхности. В общем веселье и гвалте его страх никто не заметил. Ваня понял, что помощи ждать неоткуда. Кричать он не мог, боясь захлебнуться водой. Оставалось только одно: самостоятельно плыть к берегу. Он совсем выбился из сил, и ноги потянули его вниз, но чудо всё-таки случилось: ноги ощутили твёрдую песчаную поверхность дна, а уровень воды оказался у губ. Ваня стоял и, раздувая ноздри, дышал, наблюдая, как остальные ребята подплывали к берегу. Затем он, медленно передвигая ноги, стал пробираться к суше, показываясь из воды всё выше и выше. Большие ребята с берега за ним наблюдали, но никто не протянул руку, чтобы помочь выбраться.

Взрослые этого с другого берега не заметили. Издалека казалось, что ребята шалят и купаются.

– Киня, смотри, какая молодуха стоит около тебя.

На берегу появилась молодая женщина, пришедшая полоскать бельё. Она знала, что над Иннокентием мужики подшучивают, и не обращала на них никакого внимания.

– Ты присмотришь по-хорошему, может это и есть твоя будущая жена.

– Не-а, для меня она старая.

– Чем же это она старая?

– У неё есть дети.

– Так это же хорошо. Тебе и думать не надо, где брать детей.

Иннокентий задумался. Он сидел и, не отвечая, смотрел на женщину. Потом что-то в его голове прояснилось, и он твёрдо ответил:

– Не-а, у неё дети большие, меня побьют.

Ответ мужиков удивил и рассмешил.

– За что же они тебя бить будут? Зла ты никому не делаешь.

– Просто так побьют. Не-а, – уже твёрдо сказал Иннокентий, – на ней я жениться не буду. Она заставит меня самого ездить на телеге.

Лошадь, подняв морду, смотрела по сторонам, не забывая отмахиваться от гнуса, затем снова припала к воде.

На противоположном берегу ребята улеглись на песке и наблюдали за девчонками, которые сразу уединились и купались в стороне. Девчонки все казались угловатыми и костлявыми в закрытых купальниках. Только одна Люська выделялась своими округлыми формами с заметно выделявшейся грудью. Ребята бесцеремонно глядели, как девчонки плещут друг на друга воду, стесняясь учиться плавать.

Мужики от безделья переключились с Иннокентия на женщину:

– Мария, ты бы хоть разделась до купальника, Киня и тот на тебя в одежде не смотрит.

– Вам бы только зубы скалить.

– Мы же серьёзно. Такая жара, а ты работаешь в одежде.

– Я уже загорела.

– А Иннокентий на тебе жениться хочет.

– Куда же я своего мужа дену.

– Никуда не надо, будет два мужа: один управлять телегой, а другой делать детей.

– А ну вас зубоскалов!

В это время внимание всех привлекла моторная лодка, мчавшаяся вниз по реке, туда, где на натянутом через реку тросу была зацеплена лодка с гидрометеорологами, проводившими

измерение скорости течения реки и прочие замеры. В движущейся лодке ехал не кто иной, а их непосредственный начальник, прекрасно знавший о проводимых работах и натянутом тросе. Смотрел он не вперёд, а в сторону деревни, разглядывая сидящих на берегу людей и что-то показывающих руками. Натянутый трос оказался на уровне шеи сидящего за мотором водителя. В последнюю секунду все замерли в предчувствии беды.

Трос задел за поднятый нос лодки. Она почти мгновенно перевернулась, встав вертикально и опрокинувшись в сторону мотора, поплыла вниз по течению, обнажив своё днище. Рулевого нигде не было. Не появлялся он почти минуту. Затем из-под лодки показалась голова незадачливого рулевого, а к нему уже спешила лодка с гидрометеорологами.

На берегу стало неинтересно. Мужики, не оправившись ещё от пережитого волнения, встали и поспешили домой. Дети собрались на пароме и потянули его в домашнюю сторону. Женщина дополоскала бельё и исчезла на тропинке. Только Иннокентий, разморённый жарой, всё ещё смотрел на перевернутую лодку, которую буксировали к берегу. Он застыл на телеге, открыв рот и не мигая. Его мозг ещё не мог дать оценку случившемуся. Он думал.

Солнце едва заметно переместилось по небосводу, не ослабляя своих жарких клещей и нещадно поджаривая всё, что находится на его пути. Раскалённый воздух застыл. Прибывший паром терпеливо ждал, когда возница обратит на него внимание.

12.2009.

ЖИГУЛИ

Поминки закончились. Мужики расходились по домам, было очень грустно. Шинкову, Бурову и Фаянову идти по пути, но идти домой никому не хотелось.

– Ко мне сегодня нельзя, жена дома, – произнёс Гуров.

– Ко мне тоже не пойдём, не та обстановка, – добавил Шинков.

Фаянов ничего не сказал. Всем оказалось понятно и так, что его благоверная проводит гостей обратно прямо с порога. От этого действительно всем взгрустнулось ещё сильнее. На улице накрапывал дождик и дул ветерок, отчего чувствовались сырость и дискомфорт.

– А, может, ко мне в гараж? – предложил Фаянов.

– А где у тебя гараж? – сразу оживились друзья.

– Рядом с домом, на пустыре.

– Тогда пошли в магазин, – подвёл черту Шинков.

Зашли в магазин, сообща насобирали в карманах денег, прикупили на троих, не мало и не слишком много. Закуску тоже взяли, чтобы беседа не превратилась в пьянку.

От магазина отошли метров пятьдесят, когда к ним подрулил на своём бортовом УАЗе Шляев. По нему оказалось заметно, что он уже принял, и находился навеселе.

– Вы, мужики, куда? – спросил он, – Простите, я не поздоровался. Привет!

– Слышал, наверно, сегодня были похороны. Вот возвращаемся с поминок. Зайдём ещё к Сергею в гараж, – ответил Гуров.

– А где у него гараж?

– На пустыре. Да вон его видно!

– Я сейчас подъеду.

Гараж оказался вместительным. Хозяин выгнал на улицу машину, чтобы не мешала. Всё, что надо, нашлось: ящик вместо стола, ножик, стаканы. Пока устраивались, накрывали импровизированный стол, Андрей Шляев и подъехал.

– Я ненадолго, – сказал он.

– Мы все тут ненадолго, – ответил Гуров.

Застолье шло нормально. Оживлённый разговор не давал скучать, но выпивки не хватило. Андрей тут же вызвался съездить и докупить. Поднялся и хозяин гаража, решивший тоже проветриться до магазина.

УАЗ оказался припаркован перед «Жигулями», вперёд не выехать, мешали препятствия, требовалось развернуться. Андрей запустил двигатель, начал сдавать назад. Машина стронулась, упёрлась в «Жигули», протащила их пару метров до стены гаража и остановилась. Те, кто сидел в гараже этого не видели, занятые своими разговорами, а мужики, сидевшие в машине, забыли про «Жигули».

– Ты газку добавь, – посоветовал хозяин «Жигулей».

Андрей нажал на газ, но машина назад больше не двигалась, хотя он знал, что до гаража ещё несколько метров.

– Немножко сдай вперёд и снова резко назад, – посоветовал снова напарник.

– Так я, вроде, не пьяный, а машина не едет! Пусть даже и выпил немного, но «тачка-то» трезвая.

УАЗ отъехал на метр вперёд. Андрей вывернул колёса и снова стал сдавать назад. Машина снова упёрлась и не двигалась.

– Что у тебя за машина, не может сдвинуться с места? – опять подал голос хозяин «Жигулей».

– Машина, как машина. Такое впечатление, что сзади что-то мешает...

– А что там может мешать? У меня перед гаражом ничего нет, – не унимался Сергей.

– Выйду, посмотрю, – Андрей заглушил мотор и вылез.

Обогнув машину, он встал и не мог вымолвить ни слова. Подошёл хозяин «Жигулей» и тоже уставился на машину. Передок у новых «Жигулей» оказался смят, повреждены облицовка и радиатор. Коллеги зашли в гараж и вышли оттуда уже четвером.

– Андрей, ты отрули вперёд, – сказал Гуров.

Когда он отъехал, стала прекрасно видна вся картина произошедшего.

– Как же я забыл про машину? – сокрушался Андрей.

– Перестань переживать, уже ничего не исправить, – Гуров продолжал осматривать «Жигули».

– Как же тебя угораздило? – спрашивал Шинков.

– Руководил сам хозяин, советовал отъехать и вмазать сильнее.

Хозяин молчал, всем стало совсем невесело.

– Ладно, я поехал, надо всё обдумать и обсудить, – сказал Шляев, – ГАИ, надеюсь, вызывать не будем.

Фаянов совсем расстроился, но духом не пал:

– Лишь бы жена не увидела. У меня из квартиры гараж видно. Давайте спрячем её в гараж.

Мужики ухватились за «жигули» и покатали в гараж. Закрыв дверь, облегчённо вздохнули. День продолжал быть грустным.

Подъехал Шляев. То, что он привёз с собой, повезли с хозяином «Жигулей» для решения проблемы ремонта.

Накрапывал мелкий дождик. На улице стемнело, по-прежнему было хмуро и тоскливо.

ЖИЛИ СТАРИК СО СТАРУХОЙ

В обыкновенной деревенской избе очень жарко натоплено. Как пишут в сказках, жили в ней старик со старухой. Они себя стариками не считали, но находились уже в том возрасте, когда дети выросли и покинули отчий дом. Поговорить дома не с кем, как только друг с другом. А когда кто-нибудь не отвечал, тогда разговаривала только бабка или бурчал себе под нос дед.

Вот и сейчас Авдотья Лукинична рассказывала то ли деду, то ли сама себе:

– Манька-то совсем стыд потеряла, так и липнет к Ваньке-Репейнику, да чё да. А он от неё нос воротит, совсем нюх потерял, ли чё ли? На ней не глянет, ни даже да! Куды их в школе учат?

– Этому в школе не учат, – попробовал возразить Иван Ильич, запутавшись в старой сетке, которую решил починить, а сейчас рассматривал её, как рассматривают диковинную букашку, севшую нечаянно на рукав куртки, или случайно увиденную вошь.

– Я не с тобой, Синебрюхая Верхоплавка, разговариваю!

– А с кем ты разговаривашь?

– С кем надо, с тем и разговариваю.

Верхоплавками принято называть маленьких рыбёшек, плавающих в речке на мелководье. Они и в самом деле плавают почти по самому верху, хотя глубина на мелководье и так не достигает десяти-пятнадцати сантиметров. А синебрюхами их называют за синеватое, почти прозрачное брюхо.

Вот Авдотья Лукинична так и назвала супруга за то, что он родом был с верховьев реки. Она считала, что все, кто с верховья реки, ниже её высокого достоинства, просто синебрюхи и всё.

– Нет, ты специально меня изводишь! У меня и так руки уже не слушаются, совсем ничё не видят, а ты ишо Манькой меня смущашь, – Иван Ильич, растопырив пальцы, стал разглядывать свою руку.

– Тебя засмущашь! Того и гляди сам к какой-ле прилипнешь. Хотя вряд ли на такую утварь кака позарится.

– Ты же прилипла! – возмутился дед, – Я и женился на тебе по пьянке, как порядочный гражданин, соблюдающий обычаи и Конституцию.

– Во-во, рази тверёзый бы женился? Ты и меня-то увидел только наутро, когда зенки искали опохмелку. Кака тут любовь? Живу с тобой токо ради приличия.

– Знаю мы како приличие! Позарилась на мою молодость и статью. Был бы трезвый, ни за что тебя не увидел, мало рази девок вокруг! Всяки трутся о ноги, толстые и тонкие, брюхаты и, едри их в капусту, бесстыжи, как заморские вертихвостки, а ишо есть эманси..., эманси..., фу ты, чёрт! Совсем с вами весь запутался!

– Вот и запутался, что нас обзывашь. Была бы кака молода да чё да, дала бы тебе по пустому чайнику, чтоб закипел! Старый, а всё туда же, эмансипированных ему подавай!

– Нет, когда их будут давать, я возьму, что попроще, без закидонов и, чтоб была ласкова, как жирафа! Чтоб подол выше пупка не задирала. С тобой вот маюсь стоко лет, считай и жизни не видел.

Дед явно и сам не понял, что сказал. Жирафа он видел только в букваре на картинке, когда ещё в школе учился. Но про чайник ему не понравилось. Почему это он пустой? Дед имел четыре класса образования, прошёл всю войну, протопал, можно сказать, через всю Россию, за границу прошёл почти до Берлина. Он насупился и отвернулся к сетке, делая вид, что очень занят.

– Вот тогда тебе Маньку и нать, а не Ваньке-репейнику. Она вмиг всему научит, што сама умет. Пять мужей было, ни один не зацепился, все помёрли. У них што-ля мор или у неё в доме мор? – Авдотья Лукинична немного сменила тон, понимая, что дело может дойти до скандала. «Про чайник я зря», – подумала она, но вслух признаваться ни за что не захотела.

Иван Ильич не отвечал. «Что толку говорить с пустой бабой?» – думал он, – «Лучше говорить со стенкой или совсем не говорить. Может, поспать? Рази тут уснёшь, когда у тебя над ухом жужжат! Вот один бы я проспал целый день с перерывом на обед!».

– А энтот-то наш сельповский председатель свою председателышу на замок запер, сам в контору, а её на замок да чё да. Грит, чтоб хвостом по деревне не мела. Она все сельповски секреты выдаёт, как придёт в магазин, так и выдаёт.

– Чего это она выдала? – не удержавшись спросил дед.

– А всё выдала. Рассказывала, как председатель с секретаршей шушукались. Ревнует его к секретарше. Грит не сельсовет, а дом свиданий. А председатель наш видны-ый, за него любя баба уцепится – не отстанет.

– Значит, секретарша и уцепилась.

– А чего ей не уцепиться, дома муж, да чё да, тут – председатель. Дитёв к бабке сплывили, сидят вдвоём в конторе, деньги считают.

– А ты говорила у них любовь...

– А кака любовь без денег? Вот и считают, чтобы любовь ядрёна была. Да тебе про любовь всё равно не понять! Тёмный ты, – подумав, добавила:

– И замурзанный, как рукомойник!

– Тьфу! Старая, ты дашь мне работу сделать или как?

– Я-то роблю, роблю, никакой благодарности. А ты рази робишь? Каку рвань опять при-нёс? Таку носит сельповска секретарша. У неё одёжка, как дырява сетка, соблазнят не токо председателя, а и всех мужиков, да чё да. Поливат одёжу каким-то зюрантом, чтобы моль не завелась и запах был. Вот на запах мужики и клюют, он заместо приманки, ли чё ли. Сквозь одёжку всё исподне видать, совсем стыд потеряли! А, может, стыд им при рождении не дали? Каки-таки новы моды пошли задом вертеть да чужих мужиков соблазнять, ли чё ли?

Дед сидел, глядя на свою супружницу, открыв рот. Он хотел что-то сказать, но все слова куда-то подевались. Старик себя рукомойником не считал. Он всю жизнь работал, сейчас тоже в меру своих сил трудился на благо своей семьи, а его обозвали рукомойником и бездельником. Спорить больше не было никаких сил. Он украдкой достал из-под сетки фляжку и пригубил. Закусить было нечем, поэтому он поднял на уровень глаз сетку и стал рассматривать дыру, прислушиваясь к себе и чувствуя, как внутрь, в район желудка, забирается тепло, остужая закипевшую в душе злость.

«Пусть языком мелет», – подумал он, – «Мне-то что? Как ли эту конфронтацию переживу!»

Он, хоть и мысленно, употребил слово, которое случайно услышал, не понимая его подлинного смысла, но, считая, что оно как раз сейчас подходит для его тайных мыслей.

– Ты чё дыру рассматривашь, как в первый раз видишь?

– Дыра дыре рознь. Эту вижу в первый раз.

– А чё её разглядывать? Дыра она и есть дыра.

– Не скажи! Дыры все разные. Старые и чинить уже неохота, одни ремки, а энта новенька, приятно посмотреть. На старые дыры я и смотреть даже не хочу, не только что-то с ними делать.

– Ишь, какой привередливый! Новы ему подавай! Синебрюха она и есть синебрюха! Садись, чай поспел. Самовар токмо сам ставь на стол, остальное расставлено. Рыба того году, сейгошной нет. Ты токо сети чинишь да дыры разглядывашь, а рыбы нет.

– Хоть бы стопку налила... Починю сетку и наловлю.

– Нече стару организму спаивать, чай не праздник, а буден день, хоть и суббота. И скоко в вас влезат?

– На сухую и чай не пойдёт. Спасибо, сыт!

Старик опустил сеть и смотрел в одну точку.

– Ты, злыдень, поставишь самовар али нет? Налью одну и, чтобы больше ни-ни.

Старик мгновенно поднялся со стула, взял самовар и, как пушинку, водрузил на стол. Самовар был горячий и тяжёлый, но он это делал столько раз, что даже не задумался над этой

проблемой, а просто перекинул его на стол по пути и всё, как перекладывают с места на место какую-нибудь вещь.

Супруги сели по разные стороны стола, каждый на своё излюбленное место. Авдотья Лукинична налила чай себе в чашку, а супругу в стакан, встала из-за стола, принесла початую бутылку водки и налила гранёную стограммовую стопку, но не до краёв, а на две трети.

– Явно пожалела, – Иван Ильич неотрывно смотрел на процесс наполнения стопки.

– Тебе хоть тазик налей, всё мало!

Старик поднёс стопку ко рту, посмотрел зачем-то внутрь и, не спеша, стал пить. Он пил не так, как это делают заядливые выпивохи, одним махом, а по-своему, как привык это делать всегда, вытягивая из стопки жидкость, как тянут её через соломинку...

– И как токо эта зараза в вас лезет! – старуха не любила, чтобы последнее слово было не за ней.

Иван Ильич поперхнулся, не допив, отвёл стопку и закашлялся. На некоторое время воцарилось молчание. Старуха молчала ехидно-торжественно, а старик вынужденно, поскольку говорить он несколько секунд не мог из-за застрявшей в горле водки.

Откашлявшись, он произнёс:

– Ну, как тут не заматерись! В самый энтот, что ни на есть ответственный момент всю обедню испортила. Даже то, что успел отпить на пользу не пошло. Наливай снова! Пища не усваивается, когда блекостят под руку. Наливай! – дед решительно подвинул к старухе недопитую стопку.

– Энто твоя пища? Да пей ты ради Христа!

Авдотья Лукинична, поджав губы, долила стопку и, молча, стала пить чай, откусывая немножко от квадратного рафинада. Так уж вошло в привычку, что чай пила она вприкуску.

– Ты, когда баню починишь, злыдень? Опять кого-то просить нать. Я договорилась, да чё да, с Кабанихой, в иху баню ходим. Они как раз уже помылись. Собирай монатки и пойдём, пока не закрыли.

Бани располагались в овраге, ближе к воде. Они хоть и были все разные, но с виду казались одинаковыми, как грибы, только размером и отличались, приютившись на склоне оврага, заросшие крапивой и густой травой по периметру. Старик и старуха шли по тропке.

– Ты баню-то Кабанихи знашь? – спросил дед.

– А чё её знать? Они оставили её открытой. Сказали, что закроют опосля сами. Да вон она, и замка нет, – уверенно показала пальцем на приглянувшуюся деревянную баню старуха, хотя совсем не была уверена, что это та самая баня, но признаться в этом она не хотела, не позволяла гордость своего высокого семейного положения.

В бане было жарко. По всем признакам в ней даже никто не мылся, поскольку все лавки были сухие и горячие.

– А она сказывала, что все помылись. Так что-ля натопили, что лавки сухи? – спросила старуха, входя в мойку, где дед уже уютно расположился на полке, и сама ответила:

– Можбыть давно мылись, всё высохло от жару. А ты чего разлэгся? Я что ля жар буду тебе создавать?

– Я не стал кидать, чтобы тебе не досадить лишним жаром. Вдруг опять не понравится?

– Ладно, сама тебя с полка сгоню, – смилостивилась Авдотья Лукинична, – Энто дело привычно. Ну, терпи! – она размашисто ловко плеснула целый ковш горячей воды на каменку, откуда вырвался, как из жерла пушки, пар, мгновенно расходясь по помещению, – Я, пожалуй, тоже погреюсь..., – она залезла к деду, кряхтя и, опуская голову, как можно ниже.

Помывка долго не заняла.

«Кто его знает, кому соседка ещё предлагала помыться?» – подумали супруги, – «Жару в печке на целый батальон хватит».

Старики решили освободить помещение, как можно быстрее.

Когда они сидели уже дома и отдувались, и отпивались после жаркой бани чаем, зашла соседка.

– Я баню-то на замок закрыла, – сказала она, – Вот принесла ключ! По привычке, – добавила она.

Повисла гнетущая тишина. Старик и старуха глядели друг на друга, не замечая соседки.

– Так вы пойдёте мыться? Чего молчите? И вид у вас какой-то распаренный! Ругались что ли?

– Спасибо, соседка, – промолвил, очнувшийся первым старик, – Мы решили пока не ходить. Что-то старуха умом расхворалась. Ей голову парить вредно. Потом её сведу, когда выздоровет. Больному человеку нельзя в бане мыться, тем более с такой болезнью. Садись, стопку с тобой пить будем!

– Ну, как знаете! А стопку я не пью, пойду, пожалуй, – недоумённо пожала плечами соседка и вышла за дверь.

Когда она вышла, старики ещё долго не могли опомниться. Иван Ильич достал из кармана фляжку, забыв, что это спрятано от посторонних глаз, налил и молча выпил.

– В чьей же бане мы мылись? – спросил он, скорее сам себя.

Старуха молчала. Наступал обыкновенный деревенский вечер. За окном слабо темнело. Самовар остыл. Иван Ильич залез на русскую печку и вскоре забылся безмятежным детским сном, улыбаясь чему-то во сне.

ЖИТЕЛЯ

Кто называл её Жителя, кто Жители, а некоторые звали и по-другому, но на изменения одной буковки в названии жители деревни внимания никакого не обращали. Никто уже не помнит, когда и как образовалась эта деревня, но затерялась она в Мезенской тайге, в Лешу-конском краю далеко от основной водной магистрали – реки Мезень.

Деревня стояла на одном из водных её притоков в сорока километрах от устья маленькой мелководной речки. Летом через Мезень можно пройти пешком, а уж что говорить про малые речки! Весной они глубокие и бурливые, а летом, несведущий человек может подумать, что это просто мелководный ручей.

Вообще-то известно, кто образовал деревню. Почти все Мезенские деревни образовались от беглых новгородцев, искавших лучшей жизни в этих краях, а, как и когда это было, даже историки иногда путаются в точной дате рождения. Вот и Жителя когда-то приютились в таёжном краю. Сначала деревня росла и расширялась. Люди обрабатывали землю, строили дома, занимались промыслом, растили хлеб, благо их редко беспокоили сборщики податей из-за непроходимых и непроезжих мест. Добраться сюда мог только знающий человек, причём не в любое время года. Да и кому это надо – искать приключения за тридевять земель, не зная, как там встретят и обласкают!

А люди обростали потомством, возводили новые постройки, распахивали землю, выкорчёвывая многочисленные пни на местах, где росли вековые деревья. Всё было своё. У местных купцов брали только самое необходимое: соль, спички, сахар да некоторые боеприпасы для промысла. А рыбу ловили сообща, перегораживая реку Мезень в путину самодельными сетями, причём перегораживали так, чтобы сеть была от берега до берега. Два раза закинут снасти и обеспечат себя рыбой на долгие месяцы. Вот только улов делили не поровну, поскольку главный невод сшивали из отдельных кусков, которые приносили из каждого хозяйства. По величине этих кусков и распределялся улов. Основной добычей считалась сёмга, а другую рыбу ловили около своей деревни, в зависимости от сезона года. Конечно же, баловались и харисом – этой сильной и вкуснейшей рыбой, которая водится в основном на быстром течении и в чистых речках. Бывает, она попадает и в озёрах, но очень редко. Попадает туда, когда движется вверх по рекам и ручьям в самые верховья, где бьют холодные ключи и летом прохладно.

Так бы и жила деревня, как жила многие десятки лет, но новая жизнь после революции докатилась и до этих отдалённых мест, нарушив привычный уклад и единоличную жизнь.

Создание колхозов коснулось и Жителей. Крестьянские хозяйства объединились и зажили новой колхозной жизнью. Люди продолжали обрабатывать землю, растить скот и заниматься промыслом.

Теперь уже отдалённость деревни являлась не преимуществом, а бедой. За каждой мелочью приходилось на лодках с шестами добираться до села, а потом обратно проделывать ту же дорогу. По Мезени ходили большие пароходы. Между большими населёнными пунктами даже самолёты летали. Там имелись связь, больница, почта. Люди стремились к новой жизни, к цивилизации, к образованию, туда, где было более легко и вольготно.

Обитатели деревни и сами не заметили, как численность деревни постепенно стала не увеличиваться, а уменьшаться. Нет-нет, да и уедет какая-нибудь семья в районный центр, заколотив накрепко досками окна в своём родовом доме, оставив его сиротинушкой посреди деревни, где-то в глубине души зная, что вернуться сюда вряд ли придётся.

А Отечественная война и вовсе выкосила полдеревни, в основном мужскую часть населения. Остались бабы, малые дети да немощные старики. Вот тут-то и хлебнули они вволю горя, пытаясь как-то выжить. От уплаты налогов никто не освобождал. Практически всё, что

зарабатывали, отправляли на фронт, в общую копилку для скорейшей победы. Себе оставался только подножный корм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.